

Игорь Шпотенко

**ОПЕР
или
ВОРЫ и ВОРЫ**

криминальный роман

18+

Игорь Шпотенко

Опер, или ВОРы и ВоРЫ

«Автор»

2020

Шпотенко И. А.

Опер, или ВОРы и ВоРЫ / И. А. Шпотенко — «Автор», 2020

Роман повествует о жизни двух парней, до определённого времени не знавших друг друга, но живших в одном месте и работавших на ту пору в одном ведомстве в МВД Украины. Книга рассчитана на широкий круг читателей. Молодому поколению будет интересно узнать, как и чем закончилась советская эпоха, как начиналась новая эра взаимоотношений между властью имущих и простым народом. Так же интерес у не знающих молодых людей проявится к волнующей теме тюремного быта. Книга не может стать учебным изданием, но каждый решит сам для себя, как ему жить в этой не простой жизни.

© Шпотенко И. А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог.	5
1.	7
2.	17
3.	24
4.	34
5.	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Игорь Шпотенко

Опер, или ВОРы и ВоРЫ

Пролог.

Кто мог подумать, что вот так сложится жизнь. А как хорошо всё начиналось! Выход на пенсию по выслуге лет с МВД, довольно высокую по меркам Украины, покупка нового автомобиля, о котором в тайне мечтал всю свою жизнь, роспись с не плохой, моложавой женщиной, правда с ребёнком, но своих—то Бог не дал в предыдущем браке, но за то она со своим домом, в тихом, уютном городке Луганской области—Теплогорске, бывшем Ирмино, Родине Стахановского движения. Садик, огородик, скамейка в тени ещё не сильно старого, но каждый год плодоносящего, донбасского абрикоса, ухоженный дворик, каменный гараж и летний флигель, сарайчик с кабанчиком Васей и десяток курей в загородке. У калитки

будка с громко лающей дворняжкой Жучкой, и хорошие соседи с обеих сторон. В доме газовая печь и котёл отопления, ванна. Что ещё человеку надо, чтобы встретить старость? Кто же мог когда-либо только подумать, что всё это вмиг исчезнет с приходом на Великий Донбасс гражданской войны в 2014м году. Кто же мог представить?

Совсем рядом с Теплогорском, за мостом, открывался самый чистый и красивый город Луганской области—Первомайск, граничащий своей огромной территорией вместе с районами с Лисичанском, Попасной и Стахановым. Город, единственный в громадных бывших рамках ушедшего в небытие «Стахановугля», не закрыл в 90е годы ни одного своего предприятия. Все шахты «Первомайскуголь» давали чёрное золото на-гора, все огромные заводы выпускали продукцию и как-то уже конкурировали на ещё не сформировавшемся рынке. Первый город, который отказался от 100% го бартера и перешёл на денежные отношения. Уже не молодой, красивый город, хотя и самый криминальный в те годы.

Пепов Евгений Акимович, 54х летний, крепкий мужчина, всю свою жизнь отдавший службе в органах внутренних дел в основном на оперативной работе, сидел за рулём своего «Ланоса» и ожидал супругу, щепетильную, бойкую Раису у магазина на поселковом рыночке, где она работала продавцом продтоваров. Обстрел со стороны НАЦИ ков начался неожиданно. Украинские фашисты били из тяжёлых орудий с г. Попасная по незащищённому Первомайску, который с того места, где стоял его авто, открывался как на ладони. Стреляли по заводу «Карла Маркса». Заработали «Грады», запылало здание заводууправления. На глаза наворачивались солёные мужские слёзы досады от своей беспомощности и чувства полнейшего бессилия что-либо предотвратить. Недавно ещё красивейший город, стал напоминать близкий каждому русскому сердцу, Сталинград. «Раиса Дмитриевна!» позвал он жену: «Давай мигом закрывай и сюда могут попасть, расстояние до завода всего четыре км.». Через несколько минут Теплогорск опустел, люди здесь, как и в Первомайске, прятались в сооружённые в подвалах пятиэтажек, бомбоубежища. Акимович загнал машину в гараж, закрыл на запор ворота. Шум взрывов всё не утихал. Где-то рядом в ответ тупо гопала гаубица ЛНР, привлекая внимание укрфашистов быть атакованной. «Рая, пошли кушать, я котлет приготовил свиных» позвал он жену. Они сели за стол в кухне, Женя достал трёх литровую банку чистого, как слеза младенца, только что выгнанного им под 50 оборотов первачка, разлил по стаканчикам, выпив с женой и закусив солёными, домашними огурчиками, стали ужинать.

Ночью Рая проснулась от того, что, Женя как-то странно и не понятно хрипел. Зарево ночного обстрела освещало комнату, однако взрывов слышно не было. «Снова по Первомайску всю ночь долбят» подумала женщина, вызывая неотложку. Скорая приехала с обычным

ей запозданием. Акимовичу поставили диагноз—инсульт. Его забрали и поместили в реанимацию города Стаханова.

1. Женя.

Евгений Акимович Пепов начал самостоятельную жизнь, когда в 1978м году, после окончания десяти классов районной сельской школы в Краснодарском крае, поступил в училище на повара. Готовить его тянуло всегда. Он любил хорошо поесть сам, и ему очень нравилось, чтобы его стряпню, пусть даже это обыкновенная яичница, хвалили. Учёба давалась ему легко. Среди девочек он был единственным мальчиком и соответственно его баловали своими заботами и там. Через год, закончив училище и получив диплом повара 4го разряда. Его призвали в ряды Советской Армии. Диплома повара в СА оказалось мало, и он попал в учебку на того же, только солдатского повара. Через полгода, сдав ещё один экзамен, Женя попадает в полковую столовую на должность повара. Варить правильно кашу –перловку под солдатским названием «дробь 16ть», можно научить и обезьяну, а Евгений был человеком творческого склада ума, вот он и начал добавлять в колеты побольше хлеба, если это кости, то мясо с них срезалось, как что-то лишнее к навару, а за тем из него для офицерского состава готовили макароны по-флотски. Офицеры стали примечать услужливого сержанта-повара. Через полгода службы он уже был старшим сержантом и замом у начальника столовой—старого, старшего прапорщика Мамеда Мамедова, которого в полку все, даже сам «Батя» звали просто—Мамедыч. Он не обижался, да и не могут узбеки долго обижаться по своей добродушной натуре. Отслужив до «черпака» и будучи переведенным 12ью ударами солдатского ремня по мягкому месту в это название, Евгения, с лёгкой руки Мамедыча, поставили старшим поваром. Пепов старался. Только теперь проявились все его положительные качества настоящего мастера. Казалось он с обычного овса и свиного жира мог приготовить такую кашу, что даже «деды» приходили за добавком. Лучше всего у него получался борщ. Это конечно не украинский настоящий, а что-то подобное между щами и овощным супом, но так готовила его мама и в столовой хорошо знали запах его борща, вкус и постоянно хвалили за него. Число офицеров, питающихся в столовой, заметно выросло с его назначением, а офицерские жёны получили лишнюю возможность не ждать мужа к обеду и заниматься собой. Так прошёл его второй год службы. В звании старшины Евгений Акимович Пепов в мае 1981 года демобилизовался, но домой не поехал, а вместе с друзьями поехал на не понятный пока, но усиленно расхваленный его приятелями, Великий Донбасс, в город Стаханов поступать на работу на шахту имени «Ильича», самую глубокую более 1КМ разработку в «Стахановугле».

Стаханов «до недавнего времени Кадиевка», чистый, уютный, очень зелёный город Ворошиловградской области Украины с населением более 100000 человек по всему СССР знали, как Родину Стахановского движения. Это большой промышленный центр страны с предприятиями тяжёлой промышленности и шахтами, с развитой инфраструктурой и многонациональным населением. В Донбассе проживает более 100 различных национальностей и на прочь отсутствует национальный вопрос.

В отделе кадров предприятия молодого парня в парадной форме с погонами старшины, приняли очень радушно. Молоденькая девушка подала ему бланки и помогла их правильно заполнить. Заместитель директора по производству, поговорив с парнем лично, подписал приёменный лист, распорядился за место в шахтном общежитии и подписал направление на учёбу по ТБ на две оплачиваемые недели в шахтном учебном пункте. Заявление у парня приняли на должность, не требующую специального образования—ГРОЗ (горно рабочий очистного забоя), то есть лопата главный инструмент. Но эта работа довольно хорошо оплачивалась.

Двухэтажное общежитие находилось на территории огромного шахтного двора, вместе со столовой, талоны на питание в которую, Евгений получил вместе с направлением на учёбу. В комнате четыре обычные солдатские кровати, тумбочки, стол, стулья и два шифоньера. Женя остался всем доволен и даже немного поражён увиденным приёмом. Друзья не обманули. Да ещё зам директора пообещал после его выхода на работу сразу в первый же день выдать подъёмные деньги. «Это какая-то сказка» думал Акимович: «Ещё не работал, а тебе и место в общежитии, и питание, да ещё и подъёмные.» Вот таков он Великий Донбасс! Он сходил на почту и дал маме телеграмму, в которой и сообщил о своём решении.

Вечером Женя познакомился со своими соседями по комнате в общежитии. Трое, чуть старших парней ввалились вечером в комнату разговаривая между собой на каком-то жаргоне, не понятном пока новенькому соседу, да плюс к этому у каждого были подведены чёрной тушью ресницы глаз. «Гомики, что ли?» сам себя спросил Женя. «Аааа, вот ещё один смертник прибыл в наши ряды. Дембель? Уже принялся? На какой участок? Мы сейчас квершлаг лупим так что нам горняки нужны, мы проходчики» не переставая говорили парни с накрашенными глазами. «Простите пожалуйста, я не знаю кого Вы там лупите и где Вы там прохаживаетесь, я в шахту приехал на работу» ответил вполне серьёзно Женя: «Я совсем Вам не какой ни горняк, а будущий шахтёр—ГРОЗНЫЙ какой-то. Так мне объяснили в конторе». Парни заулыбались, но промолчали, видя, что паренёк просто ещё не ориентируется в местных названиях. «Не ГРОЗНЫЙ, а просто ГРОЗ, что в простонародии переводится, как горняк, то есть работяга, наш товарищ, мы все тут работяги ГРОЗы, а работаем вместе в одной проходческой бригаде, квершлаг строим, это такое шахтное название прохода под землёй, понял теперь?». «Не всё, но понял» ответил Женя. «Меня Евгением зовут» протянул он руку парням, знакомясь. «А зачем Вы все глаза себе подвели тушью, на танцы собрались?». Смех сменился истерикой. На смеявшись вдоволь один из парней ответил: «Это угольная пыль так забивается в ресницы, что в бане трудно отмыть, а ещё, мы и сами её не хотим вымывать, на танцах девчонки так определяют где работает парень. Понял?» Ну не совсем конечно, но Женя мотнул утвердительно головой. «Талоны получил на питание? Денег то небось нет пока? Если мало, то вот там в вазочке на столике талонов целая пачка, ешь сколько влезет, мы уже это прошли, хотя и сами ходим иногда, когда не охота готовить, а пельмени надоедают». Женя неожиданно вспомнил, что ещё ни чего сегодня не ел. «А столовая по времени работает? А то я не ел сегодня?» спросил он у переодевавшихся парней. «Ты что? Столовка, как и шахтное подземное питание работает круглосуточно». «Какое ещё подземное питание?» удивился Женя. «Ну многие берут «тормозилу» продукты по-нашему, с собой из дому и в шахте перед тем, как работать, перекусывают, а многие берут в подземной столовой с собой горячее питание в термосах. Понял?». «Да как работать начнёшь, всё сразу и поймёшь. Иди в столовую, а то хиленький ты совсем. В армии кем служил, смотрю пушки на петлицах?» спросил тот же весёлый парень, назвавшийся Ивановым Валерой. «Поваром я служил» признался Женя. «Что-то не видать, худой больно» улыбнулся Сергей Волков «Сапожник без сапог». Старшего среди них звали Костя Беляев. Все они оказалось приехали в прошлом году так же после армии и не жалели об этом. «Вот и познакомились» подумал Пепов и пошёл в столовую по бетонной дорожке между лавочек в небольшом скверике у общаги.

В большом, просторном зале столовой в это время суток практически никого не было. Столы стояли вымытые, полы уже просохли, только на мойке ещё стучали посудой неугомонные посудомойки, да подсчитывала выручку кассирша на кассе. Женя не громко поздоровался и взял разнос. «Ты, что, солдатик, кушать пришёл?» спросила кассирша, не отрываясь от перечёта мелочи. «Да» просто ответил парень. Женщина подняла на него глаза: «Светка, иди новенького обслужи, глянь какой красавец, после армии, как раз тебе такой подойдёт» крикнула кассирша в помещение. Из выложенной стекло блоком до самого потолка комнаты, вышла худенькая девушка с русой тоненькой косичкой, острыми скулами и живыми, зелёными гла-

зами, в белом халате, переднике и с косынкой на таких же худеньких плечах. Женя не смог отвести взгляда от её лица. «Что уставился, дырку проглядишь, и никто замуж не возьмёт. Кушать то будешь?» спросила она, надевая косынку и завязывая её сзади. «Буду» с трудом выдавил из себя парень. Они молча стояли какое-то время и глядели друг на дружку. «Вот суп рыбный, суп харчо, суп макаронный и борщ, что наливать?» «А Вы что кушали?» переспросил её Женя. «Харчо» ответила девушка и насыпала ему полную тарелку. «Второе я Вам сделаю горячую яичницу с котлетами и рисовой кашей, не возражаете?». «Нет», «Вот салат с капусты и огурцов или Вам солёных помидоров на выбирать пойти целеньких?». «Хорошо». «А на третье компот, кисель, какао или чай?». «Давайте какао с коржиком». «Хлебушка сколько?». «Два». «Да что там для здорового мужика два, возьми шесть кусочков». «Хорошо». «Приятного аппетита». «Спасибо» ответил парень, глядя ей в глаза и чувствуя, что краснеет. Женя пододвинул разнос к кассе и достал талоны на питание. Заметив это Света подошла к кассе и не дав кассирше и слова сказать, взяла один талон и тихо сказала: «Идите кушайте». Женя пошёл в зал и сев за столик у окна, принялся за еду.

«Ты чо, дура, он набрал на трояк с мелочью, а ты талон с него за комплексный обед за 20ть копеек взяла?». «Я доплачу с полочки сама» ответила девушка и поправив косичку выглянула из-за стойки в зал. Парень, ничего не подозревая с аппетитом ел харчо. «Как тебя зовут, солдатик?» окликнула его кассирша. «Женя Пепов, я сегодня утром только к Вам в Стаханов приехал, вот получил место в общежитии и талоны на питание. Завтра учить пойду уже» ответил парень, начиная второе. «А хорошо у Вас готовят, по-домашнему» похвалил он котлеты. Выпив какао с коржиком, он сам отнёс посуду в окошко мойки, сказал всем спасибо встретившись при этом взглядами с девушкой и вышел на улицу. Начинался дождь и Женя заспешил в комнату, чтобы раздеться и лечь отдыхать, после такого трудного и длинного первого дня на таком приветливом Донбассе.

Утро выдалось пасмурным. Организм всячески сопротивлялся и не хотел вылезать из тёплой кровати, чтобы вновь начинать себя мучать. Женя нашёл в себе силы, поднялся и свесив ноги с прогнувшейся под его весом, койки, потянулся. Парни уже наварили пельменей и садились за стол. «Если хочешь успеть на пельмени, то бегом, а то не останется, мы не оставляем» накалывая сочное изделие, выдавил из себя Валера. «А Вы, что не на работе?» спросил Женя, подсаживаясь и беря протянутую ему парнем вилку без одного зуба. «Принесёшь себе из столовки комплект, понял?». «Да» набивая полный рот ответил Женя. «Мы сегодня во вторую с 13ти часов, так что придём где-то в 21 час» ответил Валера. «А я вчера так хорошо поужинал в столовке» и Женя рассказал всё, что он съел. «Рубля на два с половиной, наверное, наел» подсчитал Серёга. «Нет, с меня взяли лишь один талон на питание». Ребята переглянулись между собой. «А на раздаче кто стоял?» «Красивая такая Светланка, с косичкой» ответил Женя ничего не подозревая. «Слышишь, парень, на один талон дают комплексный обед и без котлет уж точно. Там пол супа, каша и тефтелька одна и кусочек солёного огурца, а пить—только чай плюс два чёрных кусочка хлеба. Норма. Касирка может дать сразу на два талона и всё. Заливаешь нам тут. Мы год туда ходим» рассказал Костя вытирая платком губы от сливочного масла и берясь за чай. Женя положил свою не полноценную вилку, поглядел на ребят и выдавил из себя чуть обиженно: «Я не вру». «Значит Светка—тихоня недотрога наша тебя за свой счёт угостила. Ты бы хоть подумал сам—яичницу с харчо и котлетами с огурцами со свежим салатом только директор заказывает весной, когда всё так дорого на рынке». «А она мне ещё и целых помидоров солёных на выбирала и принесла полную тарелочку» похвалился дембель. «Не иначе, как влюбилась недотрога» отхлёбывая чай сказал, улыбаясь Валера. «А почему недотрога?». «Да на танцы придёт и стоит сама весь вечер, кто бы не приглашал не идёт, ждет чего-то». «Так, салага, посуду моешь ты». «Лады». Вымыв посуду и приведя себя в порядок, Женя пошагал в учебный центр на учёбу по технике безопасности. Преподавателей было двое. Оба они пенсионеры, когда-то трудились на этом предприятии инженерами по ТБ,

а теперь стали учить принимаемых в шахту новичков. Слушал Женя их рассказы с не поддельным интересом. Нельзя сказать, что это была учёба, просто старый шахтёр рассказывал, а потом рисовал на доске все премудрости этой техники по безопасности. Слушателей было не много. Особенно Евгению нравились рассказы старых шахтёров про встречи в глубоких забоях с Божком шахты, почитаемым всеми горняками—Добрым Шубиным. Горняки говорили, что если ты ему понравишься, он не даст тебе погибнуть, а если нет, то в начале предупредит, ну а потом... Неделю давали на обучение, а вторая уже практика в шахте в виде экскурсий. Женя всё не понимал, как клеть с такой скоростью 11метров/сек летит по стволу вниз и не отрывается от каната. Самым последним испытанием был дымный штрек, когда боец ВГСЧ в специально оборудованном под землёй ходке разжигал костёр и задымлял его, а все присутствующие включались в само спасатели и шли по этому дымному штреку. Две недели пролетели, как час. Женя сдал экзамены и ему разрешили спуск в шахту уже в виде ГРОЗа. Первая самостоятельная смена.

Все эти две недели он питался в столовкенося по два талона и отдавая их кассиру. Светы он не видел, хотя очень хотел поговорить. Ребята подкармливали своего молодого товарища, а когда он сам приготовил им мамин борщ, сели на Женю верхом не стеснясь. И парень старался. Но теперь он шёл уже на работу в бригаду, лупить квершлаг, как говорили парни.

На кануне он получил на складе всю причитающуюся ему спецодежду и резиновые сапоги с пластиковой каской. Парни помогли определиться с местом в бане и корзиной, для просушки спецодежды в раздевалке. Его первый выход на работу выпал на третью смену с 21 часа до 6 утра. Шахта работала в трёх сменном режиме с выходным через три на четвёртый. Женю определили в бригаду к его соседям по комнате. Первый спуск. На подземном питании все четверо получили горячее второе и фляги со свежим чаем, в ламповой им выдали светильники и само спасатели, бригадир получил прибор замера газа метана ШИ-3, в нормировочной— жетоны на спуск и выезд. На стволе, перед самой посадкой в клеть, стволовая собрала у каждого жетоны на спуски кинула их в металлический ящик, опечатанный печатью. Подошла двухэтажная клеть по 24 человека места на этаже. Женя крепко держался за поручни этого железного чуда техники. Четыре удара колокола и клеть, набирая скорость, полетела в низ. У Жени сразу же заложило уши с непривычки. Если обычный лифт в доме опускается со скоростью 1,2 м/с, то клеть в 10 раз быстрее—11 м/с. Глубина ствола 645м. Колокол стукнул один раз и клеть стала в самом низу, ниже только зумпф(водосборник) главной шахтной водоотливной установки и главным заземлением всей шахты. Открылись дверцы клетки и шумная толпа, проклиная козла стволового, ринулась к карете (вагоны с потолком и оборудованными деревянными сидениями в нутри их), которая доставит всех к следующему уклону. Там тоже карета, которая опустит на горизонт 1065м с температурой более 45градусов в вентилируемом штреке. Дальше с километр пешком и вот он квершлаг. Здесь работает машина ППМ, грузящая породу в вагонетки. Бурятся шпурь бурильной ручной машиной, туда взрывник закладывает взрывчатку и подрывает, а потом машина ППМ и ГРОЗы с лопатами всё это убирают и грузят. Идёт проходка. Женя работал как подорванный всю смену так, что на обратную дорогу просто не осталось больше сил. По выезду и мытья в бане, его пригласили в бухгалтерию, где выдали 200 рублей подъёмных, которые даже возвращать не надо было. Это же целое состояние. У себя в колхозе в Краснодарском крае такие деньжища получал лишь самый опытный комбайнёр или бригадир молочной фермы, а тут просто так—на подъём. Ребята поздравили его с первым днём, но водку давали с 11ти и время ещё было. Женя пошёл в столовую. Завтрак уже практически заканчивался. Несколько человек, в основном ИТР кушали за столами. «Привет, Женя!» услышал парень, забытый уже голос. Света, всё в том же переднике и косынке стояла на раздаче. «Привет, Светланка, а я тебя выглядывал каждый день уже две недели подряд» скороговоркой выдал Жека. Она, при таком нежном к себе обращении, зарделась вся. «Я ездила домой в

Айдар, мама болела» ответила девушка. «Ну как там мама, поправилась?». «Нет больше мамы, теперь я сирота, сама осталась» опустив глаза полные слёз ответила девушка. У Жени что-то взорвалось в груди. «Я ждал тебя, Светочка» только и смог сказать парень. «Ты ведь не кушала сегодня, давай поедим вместе, мне подъёмные выдали и у меня была первая смена сегодня». «Хорошо» согласилась она. Они сидели напротив друг друга, ели блины с мясом и сметаной и запивали сладким какао. Теперь Женя сам мог содержать свою семью. Долго они не встречались, через месяц им в профкоме выделили комнатку в семейном общежитии на строй городке, и они расписались в городском ЗАГСе. На их вечере, в уютном «Греческом зале» их же столовки, где только по разрешению руководства можно было устраивать что-то подобное, собрались его товарищи по комнате, бригадир с женой и две Светиных подруги. Женя был полностью уверен, что жизнь его уже настроилась и они вместе навсегда.

С полочки взяли кредит—диван-кровать, шифоньер трёхдверный полированный, два стула, телевизор чёрно-белый «Таурас», ковровую дорожку и кухонный стол с двумя табуретами. Комнатка ожила в заботливых Светиных руках. На широком подоконнике появились ящики с цветами, а рядом в стаканчиках рос лук на перья. Света съездила в Айдар и по дешёвке продала свой материнский, ещё не ветхий, но уже требующий ремонта, домик. На окне комнаты появились шторы и тюль, а на кухне посуда. Зарабатывал парень не плохо, в хороший месяц до 300 рублей и плюс 74 руля Света в своей столовой. Выручало ещё и то, что Света могла приносить с работы остатки, которые становились большим подспорьем в семейном бюджете. Все деньги до копейки Женя отдавал жене, а потом и в кассу не стал ходить, она сама всё получала, он отдавал ей только корешок на заработанную плату. Первый год пролетел не заметно в любви и заботах, вот только Света никак не могла забеременеть, а этого они желали вместе. Следующим летом к ним в гости приехала мама Жени с его младшей сестрой. Узнав о проблеме, она рассказала невестке, что в раннем детстве её сын перенёс тяжёлую форму свинки и теперь вряд ли у них могут появиться дети, а у неё внуки. Лучше бы они не приезжали. С этого дня Свету как подменили. Куда делась любовь, никто не знал. Начались скандалы на пустом месте. Женя старался работать в ночные смены, чтобы меньше встречаться с женой дома. Но так долго не могло продолжаться. Стал вопрос о разводе. Прошёл ещё один тяжёлый год. Зарботки резко сократились, шахта перестала давать план, люди стали рассчитывать, ища себе новую, более выгодную работу.

Женя после первой смены ехал на троллейбусе домой, как услышал разговор мужчины и парня сидящих на сидении впереди него. «У нас сейчас идёт набор в милицию в ППС. Форма, звание армейское, если его нет, то младший сержант, продпаяк, з/п хотя и не сильно большая, но зарабатывать командиры тебе дают, лишь бы им вовремя отдавали их процент. Они тебя и прикроют, как друзья и скажут, и подскажут, как правильно и где взять. Круговая милицейская порука. Так что приходи, пока есть места в кадры на улицу Ф.Э. Дзержинского, возле почты и ЗАГСа». Женя ещё не дослушал конца разговора, а сам уже знал, что его троллейбус уже приехал, ибо была остановка «Глав почтамт». Он встал и широким шагом зашагал по услышанному адресу.

Поднявшись по крутой лестнице на крыльцо городского отдела внутренних дел Стаханова, взглянув на памятник знаменитому чекисту, Женя потянул ручку большой двери и вошёл в вестибюль. Перед лицом большое стекло с надписью: «Дежурная часть», за стеклом с телефонной трубкой в руках и повязкой «Дежурный» на левой руке, сидел не молодой капитан и что-то быстро писал в раскрытый перед ним журнал. Женя ждал. «Что случилось?», после приветствия спросил капитан у вошедшего парня. «Здесь принимают на работу в милицию?» спросил Женя. «Тихо, я сейчас» и капитан быстро вышел их дежурки. Лифтовая дверь открылась и капитан, обняв Евгения за плечи, усадил на скамейку здесь же в вестибюле. «Ты точно пришёл поступать на работу?». «Да» не поняв его ответил парень. «Хорошо, в кадрах ты ска-

жешь, что тебя дежурная часть прислала, понял? Ты ведь в ППС?» «Да, наверное, в ППС» «Ну вот, значит к нам. Пойдём я тебя проведу сам. Как тебя зовут? Ты откуда?» и капитан засыпал его вопросами. По городскому отделу прошёл приказ о помощи в принятии на работу кадров и нормы, предложить каждому отделу в месяц по два кандидата. Начальник спрашивал за это строго, а тут сам пришёл. Удача!

Уже на следующей неделе старшина патрульно-постовой службы Евгений Пепов отправился в учебный центр на два месяца в Ворошиловград за тем в Славяносербский район. Света молчала всё время.

Публика для прохождения первичной служебной подготовки, собралась разная. Все после службы в СА, многие прошли ДРА, но были и такие, как Женя, уже по несколько лет проработали на предприятиях городов Ворошиловградской области. Учиться было интересно. Офицеры в милицмейской форме читали лекции по УК УССР, УПК, админ кодексу. Инструкторы обучали рукопашному бою, самбо и стрельбе с ПМ и АКС у. Дни были заполнены до предела и Женя отдался учёбе полностью. За Свету он старался не вспоминать, думая, что, когда он вернётся, её уже не будет в его жизни. Через два месяца старшина милиции Евгений Попов был представлен командиру первого взвода ППС города Стаханова младшему лейтенанту милиции Фиртову Ивану Ивановичу. Вторым взводом ППС руководил младший лейтенант милиции Горобченко Виктор Алексеевич. Они только что сами вернулись с двухлетней учёбы в Донецкой школе милиции. Ваня, как между собой своего командира называли сержанты ППС, называл второй взвод Горобченко—конкурирующей фирмой.

Женя ошибся, Света не только его дождалась, но и смогла изменить ситуацию в лучшую сторону. Она помирилась с мужем и на какое-то время всё стало, как и раньше. Она смирилась с его постоянным отсутствием в вечернее время дома, его рассказами о драках на танцах в городском парке «Горняк», о приводах преступников, которых отряд ППС помогал задерживать сотрудникам УгРо. Первый месяц прошёл быстро и Женя стоял в гор. отделовской кассе стараясь получить первое своё жалование. Кассир выдала ему 167мь рублей и ещё талон на 30ть рублей—отоварки в прикрепленном к отделу продуктового магазину. Он направился было домой, но зам комвзвод такой же старшина, как и Женя, подозвал его и послал в кабинет к командирам взводов. Женя вошёл. Ваня и Витя сидели на своих местах друг против друга в тесном, маленьком кабинете, на первом этаже здания. Женя сел на предложенный ему стул. «С тебя, Пепов, четвертак в стол и пятёрка в общую кассу отдела и того тридцать три рубля» рассказал ему Ваня. «Не понял?» переспросил, нагнувшись к лицу Фиртова Женя, «А за что же это?» «Объясняю всего один раз» начал с улыбкой младший лейтенант: «Ты работаешь на улице с людьми, вот и работай с людьми, там и денег по-более, мы же у тебя каждый день карманы не проверяем после смены, да и стыдно это, согласишься? Так вот поэтому в получку Вы все и платите нам, а мы платим ещё другим людям, кушать все хотят, а зп маленькие, усвоил?». «Так ведь двадцать пять и пять это тридцать рублей, а Вы посчитали тридцать три?» «Ой, правда, как я мог так ошибиться—конечно же тридцать четыре рубля. Спасибо, что подправил». Отсчитав тридцать четыре рубля и отдав их командиру взвода, Женя сходил в магазин, получил там свои продукты по нормам и пришёл домой. Света, выгладила рубашку и готовила мужу обед, так как через три часа ему уже идти на службу. Достав деньги с кармана и отдав их жене, Женя всё без утайки ей рассказал. «Ну и ладно, раз там такая обстановка, тогда и ты поставь себе цель и зарабатывай не меньше червонца в смену. Ничего, я это знала, так многие живут» неожиданно поддержала его жена. «Найди себе напарника и пользуйся властью, данной тебе, и всё станет на свои места». «А ты представь, сколько же они зарабатывают? Вас во взводе 30ть человек и во втором столько же и с каждого по 30ть с гаком—это же штука восемьсот в месяц, за полгода— «Жигули», вот это да!».

Всё оказалось не так и сложно, как до этого думал Женя. Важно было сделать первый шаг, а потом уже всё шло само по себе—в виде спортивного интереса. Напарник нашёлся сразу,

такой же, как и Женя, только до этого работал в ЦАРМе слесарем ремонтником шахтного оборудования. Звали его сержант Солотов Сергей. Они шли вдвоём по вечернему городу и обсуждали вчерашнюю э/п, как неожиданно услышали в подъезде соседнего дома истошный женский крик: «Помогите!». Парни через минуту уже поднимались на второй этаж старого двухэтажного здания. Подвыпивший мужчина пытался обнять довольно красивую даму средних лет и лез к ней с поцелуями. Его лицо было в её помаде, а она кричала и била его женским туфлей со сломанным каблуком. Помощь подоспела мгновенно. «Что происходит?» оттащив нападавшего от дамы спросил Сергей, придерживая покачивающегося джентльмена. «У меня на улице сломался каблук, и этот мужчина предложил мне руку, чтобы подняться на этаж, а в подъезде вдруг объявил, что любит меня и полез с поцелуями» рассказала возмущённая дама: «А у меня муж на работе, что соседи подумают?». «Хорошо, заявление писать будете?» уже тихо, подойдя к ней в плотную, спросил Сергей. «Нет, конечно, он вообще-то не грубиян, просто выпивши немного» ответила дама и вставив ключ в замочную скважину, открыла перед собой дверь. «Не буду» и войдя в открывшийся проход, хлопнула дверью, не попрощавшись и не благодаря. «Вот курва» выругался Серёга. Мужчина тем временем сел на ступеньку и захрапел. Сергей оглянулся вороватым взглядом и запустил руку ему в боковой карман пиджака. В портмоне нашлось чуть меньше четвертака денег и какие-то документы, в карманах брюк и пиджака отыскивались ключи от квартиры и четыре рубля с мелочью. Ключи, мелочь и документы оставили на своих местах, подхватили спящего неудачника и вывели его на ночную улицу. Проведя квартал, усадили на скамейку в скверике и спокойно пошли патрулировать дальше. Поделив выручку по четырнадцать рублей, стали искать клиентов дальше. Но в этот вечер фарса больше не было и сдав оружие в 24 часа в отделе, дежурный автобус развёз сотрудников по домам. Червонец, как и просила жена, он положил на столе, а четыре рубля оставил себе в заначку. До этого он не делал никогда заначек, но всё всегда бывает впервые. Дни шли за днями. Напарники уже планировали свои наезды на значные места города согласно движения по своему маршруту. На пути в городской парк работал круглый, металлический пив бар с весенним названием: «Белая акация», совсем рядом, на против горного техникума, по улице Ленина, ещё один такой же круг с пивом, чуть дальше в продовольственном магазине—разливайка, где завсегдатаи мешали с пивом самогон и получали напиток «Огни Москвы», а в промежутке стадион города «Авангард», но это самый лакомый кусок любого постового мента. Если смена выпадала на игру городской команды, только считай барыши. Первое—завести своих через проход без билетов, забрав деньги себе. Места на билетах не указывались, только сектора. Выводить со стадиона подвыпивших болельщиков – или в вытрезвитель, или по-хорошему, третье – болельщики иногда дрались в азарте, и это самый дорогой заработок, так как подходил под 206ю УК (Хулиганка). Здесь просто простор мечтаний.

В дни получек Женя с Сергеем уже сами без напоминаний сдавали командиру по 35ть рублей, потом по 40к, а в конце первого трёх летнего контракта уже по 50т рублей ежемесячно. В семье всё давно стабилизировалось, казалось Света смирилась со своим положением жизни без детей, да и Женю так же всё устраивало. Денег хватало и молодые позволяли себе хорошо одеваться и отдыхать на ЮБК если отпуска выпадали вместе и летом. Жить они продолжали всё в том же семейном общежитии.

Осенью 1987го года в Нагорном Карабахе произошли события. Всколыхнувшие, казалось бы, всю страну. Начался конфликт между азербайджанским и армянским народами. Для успокоения военного конфликта начали формировать милицейские батальоны по всей стране. Партийная организация города обязана была предоставить взвод ППС, но по желанию никто ехать не известно куда и подставлять свою голову под азиатские пули не хотел. Ещё в стране продолжался Афганистан и его вполне хватало для одного интернационального долга. Тогда партийная верхушка пообещала за год контракта в НКАО давать квартиры по возвращению. Но и этот обман был только высмеян. Отряд из 30ти человек нуждающихся в жилье был сфор-

мирован и списки поданы с условием подписания контракта вместе с получением ордеров на жильё. Пепов получил не новую, но довольно приличную двушку в пятиэтажном доме на проспекте Ленина, не далеко от ателье «Ромашка». В феврале 1988 года отряд прибыл в Сумгаит и разбил лагерь в отведённом месте, рядом с арт полком и танковой ротой с России. Женя сразу вспомнил свою армейскую специальность и предъявил руководству документы. На взвод полагалось один повар и помощник. Нарядов, как в армии, здесь не было, всё делали вдвоём: — утром подготовка дров и розжиг печи КП48, состоящей из трёх отдельных баков, вставленных в печь, трубы отвода газов и колёсной пары для передвижения. Помощником Евгению выделили новенького, только что пришедшего на службу в отдел младшего сержанта, который по образованию был кондитером. Звали его Пашка Богодухов. Он отслужил срочную в Нагорном Карабахе и всё здесь знал. По приезду в Стаханов узнал, что его дом сгорел при пожаре и бабушка, у которой он воспитывался, умерла от ожогов, не дождавшись его несколько дней. Ему дали однушку, но назад в НКАО всё же привезли. Пашка сразу понравился Жене, и он уговорил командира, старшего лейтенанта милиции Шевченко Николая Фёдоровича, уже почти пятнадцать лет работавшего в милиции и не имевшего до этого своего жилья, поставить паренька к нему помощником.

Воду носили с колодца, который находился на территории арт полка, дрова находили сами в основном с перекрытий крыш разрушенных домов или если повезёт, заборов. После розжига печи утром готовим кашу и чай. В кашу добавляем тушёнку с расчёта одна армейская 400 граммовая банка на 4ре человека, то есть 7мь банок (Пустые железные банки развешивались потом на колючей проволоке вокруг всего периметра) и завариваем сладкий чай. Хлеб— только сухари по два больших на завтрак и ужин и по четыре—обед. После раздача завтрака. После этого вымывание всей посуды и котла, поднос свежей воды и подготовка продуктов к обеду. Картофель только сухой, макароны с мошками, которые приходилось по несколько раз отмывать в горячей воде, Масло растительное в бочке, такое старое, что слышно даже не открывая посудину. От заправки таким маслом у взвода возникала изжога. Мясо—опять тушёнка, только уже три банки и кисель в брикетах. Суп с макаронами, макароны по-флотски и кисель. После обеда вновь всё вымыть и котлы, и посуду, подготовить продукты на ужин. Каша пустая и рыбные консервы —банка на двоих, в основном кильки в томате, сладкий чай. И снова всё вымыть и приготовить на утро. И так со дня на день с месяца в месяц полный год. Спать хотелось хронически. Единственный плюс—не носил автомат и ни в кого не стрелял. В марте 1989 года пришла ротация, но уже на насиженное место. Когда именно приедет домой, Женя не писал, да и сам не знал. Однако всё произошло быстро. С Баку самолётом в Москву и сразу же пересели на самолёт в Ворошиловград. Там в городском аэропорту их ждал свой автобус в родной Стаханов. Женя вёз жене подарки, красивый азербайджанский женский халат для домашних целей и ковровую, самотканую дорожку в свою спальню, керамическую посуду ручной росписи и медный чайник для заварки чая. Ближе к полуночи автобус открыл перед ним свои двери, и пройдя за угол дома, Женя открыл двери своего нового подъезда. Два десятка ступенек на второй этаж. Звонок не работал. Женя покопался и достал свои ключи. «Пусть будет сюрприз» подумал он, тихо отворяя дверь и занося подарки в тёмный коридор. Закрыв на ключ входную дверь, он разулся и прошёл в туалет. Пахло табаком и на бачке унитаза стояла железная пепельница с окурками от папирос. «Не понял?» спросил у себя парень. Он включил свет в коридоре и приоткрыл двери спальни. На разобранном кровати —диване мирно спала его Света обняв за шею его друга Солотова Сергея. Евгений отшатнулся. Там, на войне, он даже мысли себе не допускал, что его Света ему изменит, а тут ещё и с кем? Он сел на краешек дивана и внимательно стал рассматривать спящих. Странно, но даже желания что-либо с ними сделать у него не возникало. Он принял произошедшее как за должное. Света повернулась и задев Евгения ногой, проснулась. «Женя? Ты?». «Да. Я приехал пол часа назад». Света толк-

нула Сергея, но тот проснулся не сразу. «Женя, прости, я на четвёртом месяце беременности от Сергея».

Они все в троём мирно сидели на кухне, пили привезённую Женей водку—чачу и так же мирно разговаривали. Утром, после построения, Женя подошёл к Ивану Ивановичу Фиртову и попросил у него оказать помощь в получении комнаты в общежитии. Узнав о случившемся, вопрос решили за пол дня. Женя собрал свои вещи и переехал вновь в семейное общежитие, только комнатка теперь ему досталась угловая и меньшая по размеру. Квартиру он оставил прописанной уже там Светлане, своему другу Сергею и их будущему ребёнку. Через месяц они тихо развелись в том же ЗАГСе Стаханова.

С весны 1989 года по всему Великому Донбассу прокатилась волна протестов. Шахты по несколько месяцев не выплачивали рабочим зп. Шахтёры в рабочей одежде, целыми сменами собирались возле городских исполнительных комитетов и требовали денег, стуча своими касками об асфальт. Взвода ППС стали использовать для охраны государственных объектов. Зарботки резко упали и у милиции. Жене одному сейчас хватало, а вот его напарнику Сергею ни как. Света родила девочку и требовала от нового мужа денег, а как она может требовать уж Женя то знал. Он стал крёстным у дочери своей бывшей жены и неизменного напарника. Их отношениям многие просто удивлялись, а гор. отделовские дамы в погонах, ставили в пример своим мужьям. К девяностому году положение рядовых милиционеров вообще стало невыносимым. В городе на них уже мало кто обращал внимания, люди сновали по городу злые, ища себе хоть какой-то приработок. В это время в общежитие к Евгению поселили не так давно приехавшего в город молодого специалиста после окончания Харьковского института внутренних дел Александра Ивановича Капицина. Он принял должность заместителя начальника уголовного розыска города и носил звание –капитана милиции. Не большого роста, худенький, не приметный молодой человек сразу завоевал уважение коллектива своим острым оперативным умом. С Пеповым они сошлись не сразу. Капицин держал всех на расстоянии и ни с кем не заводил дружбы. Вечером, его в гражданской одежде к общежитию подвёз частный бомбила. Александр протянул ему деньги. Но водитель потребовал больше, за вечерний подвоз. Саша послал его и закрыв дверцу машины, вышел на улицу. Бомбила оказался не из слабых. Он тоже выскочил, догнал не расплатившегося пассажира и замахнулся на него кривым стартером от своего «Москвича». Выстрел напугал всех и капитана, и водителя. Стрелял Женя в воздух. Его маршрут с Сергеем сегодня проходил рядом с его же общежитием. Водителя скрутили и усадили на лавочку. Капитан дал команду снять браслеты. «Что будем делать, товарищ капитан?» спросил его Женя. «Какой ещё капитан, это мой клиент, он кинуть меня хотел» возмутился водитель, поняв в какую историю влип. «Я предлагал тебе положенные деньги?» спросил капитан: «А ты ставку решил задрать, вот и получай». Он отошел в сторону Евгения и тихо ему сказал: «Я сейчас уйду, а Вы дайте ему п.ы и пусть катит. Да, на, возьми патрон, ведь у тебя отчета требует дежурный» и протянул Жене пистолетный патрон. «Спасибо тебе, а ведь я и не услышал, как он меня догнал, мог бы и без головы остаться». Он вошёл в подъезд общежития и закрыл за собой двери. Было слышно, как он объяснял дежурной, что звонить в милицию не надо. Это колесо у машины стрельнуло. Женя с Сергеем сели по разные стороны неудачливого мужика. «Что теперь с тобой нам делать?» начал развод Сергей, сразу понявший, что по чьей. «Мужики, у меня только полтинник с мелочью, если что, завтра отдам или отработаю» взмолился водитель. ППСники подумали и согласились на 200ти рублей сегодня. Водитель достал барсетку, вытащил необходимую сумму, молча отдал, сел и газанув для своего удовольствия хоть чем-то нагадить ментам, уехал. Товарищи и кумовья пошли дальше охранять мир и спокойствие советских граждан.

Утром, Женя ещё спал, ему на занятия к 10ти утра в отдел, когда кто-то постучал в его дверь. Поднявшись, в одних трусах, он открыл дверь. Перед ним стоял в форменной одежде капитан милиции с поплачком института, Александр Капицин. «Разрешить?» спросил он, делая

шаг вперёд. Женя пропустил офицера и одел спортивные штаны. «Евгений Акимович, я вот продумал о Вашем поступке половину ночи. Ведь нормальный бы ППСник не стал бы сразу стрелять, а выполнил бы все инструкции, а Вы, не задумываясь и сразу на курок, я хочу Вам предложить место в уголовном розыске, мне крайне необходимы такие люди, как Вы. Скажу Вам больше, но не для распространения, наступают очень сложные времена и преступность поднимает голову». «Да, мы это и сами уже заметили по отношению к нам» ответил Женя. «Пойдёте пока помощником оперуполномоченного, а за тем поступите в Донецкую школу милиции, получите офицера и станете опером. Как, Согласны?». «Да» твёрдо, не думая согласился Женя. «А я и не ждал от Вас иного ответа» и впервые протянул парню свою руку. Именно с этого дня и началась между мужчинами крепкая мужская дружба.

2. Егор.

Получив заключение медицинской комиссии о том, что годен к службе в СА, Егор шёл в военкомат города Брянка Ворошиловградской области, чтобы получить свою повестку на призыв. В его голове всё вращался и вращался рассказ-исповедь умершего на его глазах в палате, старого лётчика Николая Стрельникова. В комиссариате ему вручили повестку на 14е октября с цифрой 70т в графе—группа призыва, которая означала за границу. Проводы решили отмечать в своем доме, куда пригласили провожающих, ВИА группу с местных танцев, повесили колокол и подключили его к магнитофону «Днепр2», во дворе прожектор, в зале и большой кухне столы и лавки. Провожала Егора его новая подружка Оля с больничного городка, как невеста. Гостей было не много, человек под 30ть и самое главное мама пригласила баяниста. Под утро подошёл нанятый автобус, и все гости вместе с Егором отправились к клубу химиков, где был сбор от военкомата. Автобусы уже стояли. Комиссар дал время по прощаться. Проверил нет ли с собой спиртного у некоторых его любителей и дал команду «По автобусам». Егор смотрел на плачущую маму и вытирающую слёзы Олю, на играющего «Прощание славянки» подвыпившего баяниста, иногда путающего нужные аккорды, на машущих руками товарищей, на застывшее, мокрое от слёз, лицо отца. Автобусы набрали скорость и выехали на трассу в Ворошиловград. Знакомых ребят было много. С одними они вместе учились в горном техникуме, с другими на курсах водителей в ДОСААФе, третьих просто знал и видел в городе. В Ворошиловграде на областном сборном пункте всех остригли под ноль и выкупали в солдатской бане. За тем выдали новое х\б, кожаные поясные ремни, яловые сапоги, шинели и шапки, в вещевые мешки сложили свои вещи и зашив их суровыми нитками и написав свои адреса—сдали старшине, для отправки вещей домой. Утром следующего дня всех привезли на Ворошиловградский аэропорт и усадили на ТУ104ре. Через три часа самолёты стали один за одним приземляться на военном аэродроме в городе Музыковеште в Венгрии. Егор шёл по чужой земле в строю таких же новобранцев, а им на встречу в их самолёт шли дембеля с разноцветными наклейками на дембельских чемоданах, все в парадках, надраенные и начищенные. Они летели домой. «Вешайтесь, салаги! Мы летим Ваших тёлок портить» кричали весёлые дембеля. «Давайте, мы Ваших уже испортили» им в ответ крикнул какой-то умник со строя прибывших.

Всех выстроили на большом плацу и заставили раздеться до трусов. Октябрь хоть и тёплый месяц года в этой части света, однако стоять на ветру в одних трусах не очень удобно. Мед работники осмотрели всех и дали команду одеваться. За тем всех завели в казармы и оставили ждать «покупателей». В казарму сразу же устремились дембеля с этой части, в основном чурки. Они за бесценку скупали часы, электробритвы, по возможности гражданские вещи и с удовольствием воровали брошенные без присмотра сидоры новобранцев. Егор продал за 150 форинтов свои часы, как потом выяснилось и правильно сделал, в части всё равно их бы просто так забрали «деды». «Покупатели» – представители воинских частей, прибывшие за пополнением, появлялись по очереди. Команда «Строиться» и называют фамилии распределённых солдат. Названных уводят, а остальные снова ждут. Ближе к обеду, после очередного построения, назвали и фамилию Егора. Он и ещё пять человек с Донбасса, были распределены водителями в Отдельный батальон химической защиты ОБХЗ №13 дислоцирующемуся в не большом городке Асоде. (В\Ч п\п 07292). Старший лейтенант передал сержанту папку с документами, проездные документы, деньги на билеты и отправил на ж\д станцию на электричку «Музыковешт—Мор» которая следовала через станцию Асод. Всё было интересно. Люди, одетые как-то по-иному, старенькие бабушки, одетые во множество юбок и едущие своим ходом на

простых велосипедах. Егор представил себе мысленно его бабушку и на велосипеде за рулём. Что-то не сходилось. Ухоженные дома все под красной керамической черепицей, булыжниковые мостовые, остриженные деревья и кусты, улыбающиеся девушки. Всё здесь не так, как дома. Сели в вагон электропоезда. Все места мягкие, как в новых автобусах дальнего действия, стука колёс нет, поезд идёт тихо, как по хорошему асфальту. Играет не навязчивая, не громкая музыка и объявление каждой остановки. Кондуктор, в форменной одежде и фуражке с красивой кокардой, молча с улыбкой обилетил всех севших солдат, сказав каждому «Сербус», значит здравствуйте. «Можно подремать. Ехать будем около трёх часов.» объявил сержант и сам, откинувшись на мягком сидении, закрыл глаза. Но спать не хотелось, Егор глядел в окно. За ним проплывала огромная жизнь чужого государства. Поля, поля, поля, а потом посёлок, а вокруг него виноградники и снова поля, поля. Люди входили в вагон и выходили, стоячих мест здесь нет. Одни с интересом разглядывали этих русских в новых шинелях и шапках, иные безразлично садились и занимались своими делами, в основном читали.

Сержант проснулся после объявления нужной остановки. Станция оказалась довольно большой. Здесь и грузовая половина, куда прибывали товарные составы и пассажирская, где в три колеи стояли пассажирские поезда. Узловая – объяснил сержант. Тентованный ГАЗ 66 с номером 88-89лк стоял на автомобильной стоянке. Ефрейтор крепко мирно спал на не удобном месте водителя. «Ваня! Принимай!» крикнул сержант и постучал по кабине ладонью. Водитель открыл двери, потянулся, протёр глаза и только после этого спросил: «Откуда салабоны?». «С Донбасса» ответил Егор за всех. Ваня поглядел в глаза рыжему парню и с ухмылкой сказал: «А ты видать борзый?». Егор промолчал. Загрузив новичков в кузов, сержант сел на командирское сидение в кабине, и машина тронулась. До части доехали, быстро не рассмотрев города. Большие металлические ворота с красными звёздами на них распахнулись и ГАЗон остановился на единственной бетонной дороге внутри городка. «К машине!» скомандовал сержант. Построив всех новеньких, он повёл отделение из шести бойцов к штабу. Вышедший ефрейтор быстро собрал у всех все имеющиеся у них документы и отправил в казарму, одноэтажное длинное здание под камышовой крышей, не далеко от штаба, в которой был организован «карантин». Егор Щербаков приказом по части был назначен на должность водителя—химика в 3й взвод 1й РСО (рота спец обработки) на автомобиль ЗИЛ 131 АРС-14ть. В декабре приняли присягу Родине и пошла полноценная воинская служба. Занятия в классах сменялись на занятия на плацу, спорт городке, а по утрам бег с полной выкладкой на расстояние 3 км за территорией части, по дороге между лесополосой и виноградниками. Прошли 1000 км марш на своих автомобилях и уже весной первый полигон. Большая солдатская палатка вместо казармы, полевая кухня вместо столовой, деревянный настил вместо кроватей и усиленные занятия по теории и практике. Командр взвода старший лейтенант Титов с не очень красивым прозвищем «Жопа» был не совсем плохим человеком. Его побаивались не только солдаты его взвода. Было заметно, что он отчаянный рукопашник, и можно было от него схлопотать оплеуху за малейшую провинность без предупреждения. С Егором они как-то сразу не сошлись. Титов гонял упёртого солдата в хвост и гриву. Уже деды вечерами жалели салагу, говорили, чтобы не спорил с ним. Сержант, тот который привёз молодых с аэродрома, стал заместителем командира взвода или проще «замком». Звали его Ваня Лещенко родом с Саратова, как и Титов. Ленивый «чижик», но весьма услужливый. «Фазаны» и «деды» его старались не замечать, хотя по сроку службы ему ещё рано было говорить слово «не положено». Во взводе «салабонов» был всего один сержант. Пошли в наряды. Самым ответственным нарядом был караул. В батальоне был первый пост, так как имелось своё батальонное знамя и два поста уличных—автопарк и вышка не далеко от складов и ДОСов. Вторым по борзоте был наряд дневального в автопарке, затем шла столовая и самый, самый –наряд по роте, тумбочка. Старшина роты старший прапорщик Момот (по прозвищу Слон), был с собаку ростом, но голосину имел, как у Шаляпина. Утром, приходя на подъём роты, он так орал, что вставали даже те, кто ещё в наряде и мог спать до 10ти

утра. Уборка для него была на первом месте. Заправка кроватей и набивка табуретами кантиков на одеяле. Но с ним можно было разговаривать и по душам. Человеком он был хорошим, играл на пианино, баяне и гитаре. Пел. Он был первым гостем на всех офицерских посиделках. Но был один недостаток, выпив чуть он приставал к замужним женщинам и не раз получал за эту странность от ревнивых мужчин. Но не всегда. Ходили легендарные сплетни, что бабы его в втихаря любили. Он женат не был. Командовал частью под полковник Кузнецов. Среднего роста, слегка лысеющий и полнеющий офицер с академическим знаком ВУ на кителе, хотя все давно уже ходили с поплавками—высшего образования. Офицеры между собой называли его знак «с велосипедного училища». Прозвище своё он знал и всегда возмущался. Спрашивал у офицеров: «Ну назвали бы меня толстяком или пузатым, а то так не прилично?» У него с чьей-то лёгкой руки прицепилось прозвище «Пино» от фамилии генерала Пиночета. Но по натуре он был довольно простым мужиком, любителем погулять с мадьярами, сходить на охоту, где активно использовали солдат, как загонщиков. Его молодая жена Наталья Сергеевна, (но даже солдаты, конечно второго срока службы называли её просто Натали) руководила солдатской «чайной», была в магазине и продавцом и директором сразу. Действительно красивая и лицом, и формами женщина. С ней было просто, солдаты через неё покупали себе на демобу вещи – джинсы, батники, хорошую обувь, и в втихаря меняли рубли, присланные в письмах родителями, на форинты по курсу 1\10, при курсе 1\17ти. Ещё одной из писанных красавиц гарнизона, была жена командира Егоровой роты, капитана Назарова, черноглазая Валентина. На неё трудно было смотреть, особенно когда она улыбалась.

Первый год службы тяжело достался Егору, за свой своенравный характер его часто били. Он, с техническим образованием не мог слушать команды плешивого чурки с неоконченной в ауле семилеткой, всего по тому, что он пришёл служить на полгода раньше, не стирал дедам подворотнички, услужливо не подносил сапожный крем, купленный в магазине, но и не сдавал никого отцам командирам, которые хорошо знали о жестокой дедовщине в роте и некоторые даже поддерживали этот беспредел. За свою непокорность Егор ходил в наряды по кухне и по роте, через день на ремень. На продовольственном складе части руководил прапорщик Саша Бушкин, земляк с Донбасса. Он заметил непокорного солдата. Когда прошёл год, и бляха дедовского ремня отмеряла на его заднем месте двенадцать долго болящих звёзд, Саша позвал молодого фазана и предложил ему место хлеборежа в солдатской столовой. С этого момента вся жизнь Егора круто изменилась.

Столовая. Это место, откуда кормятся не только солдаты, не семейные офицеры и прапорщики, но и те, кто смог наладить дружбу с хлеборежом. В обязанности Егора входило ежедневно получать на складе продукты на сутки вперёд (мясо, рыба, жир свиной, масло сливочное, сахар, все овощи, в выходные ещё и яйца). Бушкин объяснил Егору всё один раз и дал блатной список. Два раза в неделю приходят дети и называя свою фамилию забирают всё необходимое. Масло—по 200 гр. дети ком части, замов ком части – по 150 гр. (3 чел.), жир свиной (нормы те же), сахар по 300 гр., хлеб белый по 2 булки, чёрный – по просьбе. Овощи по просьбе. Мясо по 1,5 кг раз в неделю, рыба—по просьбе. «Выучи это на память и сожги» сказал он Егору.

Проверял ежедневно службу зам ком по тылу майор Бравидзе, высокий, худой грузин, который носил хромовые сапоги, как ичиги для грузинских танцев, такое ощущение, что в его сапогах совсем не было каблучков. Он брал несколько штук шайб сливочного масла, после того, как Егор их настучит, и проверял на вес. Шайба должна была весить 20ть грамм. Егор думал долго, ну никак не получалось с нормы, полученной на складе, отрезать норму на отдачу и набить правильного веса шайбы. Получалось то 17ть, то 18ть грамм. Но когда хохол родился—еврей заплакал, и парень придумал. Ведь жир то никто не взвешивает. Как получили ящик, так повар его и использует в течении дня. Егор поставил на длинный стол два ящика с маслом и с жиром, отрезал большой кусок масла, гораздо больший чем в нормах, и отнёс его в

холодильник. За тем он такой же кусок отрезал от жира, порезал всё и смешав сделал одной массой. Только после этого положил масло в морозильную камеру на пару часов, что бы можно было потом его формовать по шайбам. Жир забрал со стола повар и отнёс в варочный цех в свой ящик. Через время Егор достал смерзшийся брикет, который за тем порезал на куски и на выбивал шайбы. Бравидзе пришёл на проверку, выбрал как обычно несколько даже на вид, больших шайб—20 гр. Мерял несколько раз. Всё норма. «Скажи, рыжий, кито из нас сегодня дурак?» спросил он Егора довольный увиденным. «Я, товарищ майор, больше Вы не увидите меньших размеров масла, хищений больше не будет». «Вах, вах кто би говорил» с кавказским акцентом выдал он и довольным ушёл. Егор взвесил остаток, тут не только кому положено можно дать, но и своим людям тоже. В своих людей Егор включил жену ротного, жену ком взвода (у них было по двое детей), ну и по второй шайбе вечером получали его товарищи. Жене командира роты, Егор подготавливал все полуфабрикаты для борща (чищенный картофель, морковь и лук, твёрдая головка капусты, косточка с мясом на бульон, свиной жир) всё это он аккуратно складывал в дефицитный полиэтиленовый пакет и обматывал бумагой и во время построения части на плацу не замеченный ни кем сам относил домой в ДОС, который находился прямо за столовой. Валя одаривала парня заразительной улыбкой, брала продукты и сказав: «Спасибо, мой милый мальчик» исчезала за дверьми.

Была ещё и доходная сторона в столовой, на которую никто до Егора не обращал особого внимания. Это солдатская «парашечистка» место, где собирают посуду после еды, сгребают все остатки в бак и за тем отвозят в свинарник. Егор передумал отдавать доп. питание свиньям. В части работали два мадьяра по вольному найму, Ференц—электриком и Банди—сантехником. В столовой они были частые гости по своей работе, и Егор тихо предложил Ференцу покупать для своих свинок отходы столовой. За столовой был пожарный выезд из части, которым никто не пользовался с момента её основания, и ворота там все проржавели. Вот туда Егор и подвозил вечером тачку с баком. Ференц с обратной стороны переливал в свою посудину и уезжал. Расчет утром. В хорошую смену вместе с остатками хлеба он увозил по 5ть-6ть вёдер отходов. За одно ведро платил 10ть форинтов (два бокала пива—шора или 4ре стаканчика вина-бора). Наталье продукты Егор выносил на дорожку. За столовой к ДОСам от магазина была проложена с битого кирпича дорожка специально для неё. Егор открывал окно в хлебрезке и выглядывал, когда она будет идти на перерыв. При её подходе он спрыгивал с окна и мигом передавал ей пакет. Натали рассчитывалась всегда. Она закрывала свои красивые глаза на то, что Егор покупал у неё пиво. Саша Бушкин был холост и так же питался в столовой, только для него всё приходилось готовить самому Егору, как и для себя. В основном это была жаренная с мясом картошка. Саша иногда занимал у Егора денег на выход в город, но забывал как всегда отдавать, да Егор и не требовал никогда. Теперь всем и всего хватало.

Казус произошёл на праздновании 23го февраля. В столовой организовали танцы, чтобы жёны офицеров и прапорщиков смогли со своими мужьями отдохнуть и потанцевать. С огромного зала после ужина вынесли все столы, расставили скамейки под стенками и заиграл приглашённый мадьярский ансамбль. Офицеры все в парадном с наградами, солдаты только второго года службы и то не все. Егор хорошо в своё время танцевал вальс. Учила его ещё подростком мама на вечерах в парке под духовой оркестр, потом он встречался с девочкой, которая занималась танцами и просто тренировалась на своём кавалере. Егор, аккуратно подстрижен и выбрит, даже Бушкин брызнул на него своим одеколоном, в хорошо сидящей на нём парадке, в начищенных до блеска ботинках, стоял в зале и разговаривал с товарищами, когда ансамбль заиграл вальс. Никто не танцевал. На противоположной стороне зала стоял с офицерами командир роты Назаров, а его супруга Валя пыталась вытащить его в круг. Офицер всячески отмахивался, ведь никто ещё не танцевал. Видно было, что дама не довольна. И Егор решился. Он прошёл через весь зал, подошёл к командиру и спросил: «Товарищ капитан, разрешите мне пригласить Вашу даму на вальс. Пожалуйста». «Да, конечно» немного опешив от такого, отве-

тил командор. Егор повернулся к Вале и так же галантно спросил: «Мадам, разрешите Вас пригласить на вальс?» Валя только мельком взглянула в сторону мужа и подала солдату руку. Это был его звёздный час. Егор вывел самую красивую женщину гарнизона в центр круга, приподнял своей левой рукой её руку на уровень своего плеча, Правой рукой—вернее лишь одним большим пальцем упёрся в её спину и закружил даму в танце. «ООО ты превосходно ведёшь, я так давно уже не танцевала. Вечно ноги все оттопчут, слоны». Она летала вся воздушная и ещё больше красивая. Никто не пошёл больше в круг, а музыканты, как на зло всё играют и играют. На их танец глядел весь зал заворожённо. Музыка стихла и зал зааплодировал. Егор подвёл Валю к её мужу, сказал слова благодарности и неожиданно заметил не хороший блеск в глазах своего командира. Солдат сразу всё понял. Но что сделано то сделано.

Расплата себя не заставила ждать. Капитан завёл Егора в его же хлеборезку и двумя мощными ударами в живот и корпус сбил с ног. «Где ты так танцевать то научился, гадёныш?» спросил он, помогая солдату подняться. «Понял за что получил?» «Так точно, понял, но оправдываться не стану». «Ладно, бывает и хуже, давай, служи, а за красивый танец спасибо» выходя с хлеборезки сказал Назаров. Егор облегчённо вздохнул, он ожидал большего за свою наглость.

После этого вся детвора гарнизона, особенно девочки стали называть Егора не иначе, как рыжий танцор. Жены офицеров засматривались на идущего по своим делам, парня и здоровались. Слава, она вещь такая!

Дембель, вот и долгожданный дембель. Отправив домой за последние полгода пять посылок с вещами с женами своих командиров, едущих в отпуск домой в Союз, Егор с дембельским чемоданом в парадной форме сидел в кузове бортового ЗИЛа 131 со своими товарищами, который отвезёт дембелей в Будапешт на сборный пункт, потом снова Музыковешт и Ворошиловград. 31го октября, переслужив всего две недели, Егор позвонил в дверь родительской квартиры.

Погуляв неделю, став на воинский учёт, дембель устроился на работу по своей горной специальности – электрослесарем подземным в Стахановское шахтоспецмонтажное управление «Угле автоматика». Работать в нём считалось престижно – первая смена, суббота и воскресенье, а также все праздники выходные дни, подземный стаж, хотя много работ выполнялось и на поверхности шахтного двора, и довольно приличная для того времени Зп –начиная с 250 руб. Бригадир – Анатолий Васильевич Грицай и начальник 2го участка Калинин В.Г. приняли Егора достойно, и парень начал работать под землёй. Работа давалась, в бригаде уважали. Летом следующего года Егор женился на милой девушке Наде, на три года его моложе, которая проживала в соседнем районе города с мамой в однокомнатной, старого образца хрущёвке на втором этаже двухэтажного дома. В пятницу они пошли вдвоём в городской ЗАГС и тихо расписались. В мае следующего года родился сын Максим. Вроде бы всё хорошо, семья, работа, уважение, стремление лучше жить, но всё же чего-то не хватало. Егор с Надей сняли двухкомнатную бронированную квартиру на три года. Егор метался, денег не хватало, и он искал каждую подработку, чтобы принести домой лишнюю копейку. Надя была в декретном отпуске, сын часто болел, помощи не было ни откуда, да они и не надеялись на неё. Егор нашёл постоянную работу для подработки в ЖЭКе Брянковского исполкома города он официально устроился на пол ставки электриком. 53 рубля было большое подспорье для молодой семьи. В процессе работы Егор познакомился с зампредом исполкома Михаилом Васильевичем Демьяненко. В городе этот человек действительно был на своём месте. Он знал всё о районах города, его любили люди за прямоту, безотказность и не равнодушное отношение к людской беде. Да, встречались ещё такие люди. Егор с ним просто сошёлся характерами. Казалось отработал свои три часа и свободен, ан нет по просьбе Демьяненко Егор ночами проводил на работе, особенно в зимнее время и ни разу не отказался. Зима с 1985го на 86й год выдалась морозная и снежная. Дороги замело, трассы пробивали танками, высота снега на дорогах выше 2х метров. Отключили по аварии воду и стали котельные, разморозились системы отопления, аврал. Люди не

уходили с подвалов домой сутками, всё попало на выходные дни и Демьяненко с Егором так же не вылазно сидели в горящих подвалах. Люди без отопления пользовались «козлами» — самодельными отопителями и жгли проводку. «Скажи, Егор, сколько ты сейчас получаешь в шахте?» спросил на перекуре с горячим чаем, сидя в слесарке, Михаил Васильевич. «Сейчас немного срезали, где-то чуть больше 200т. и у Вас полтинник, вот и живём» «А с жильём что?». «Да ничего, у нас даже на очередь сейчас не ставят, не строят ведь пока». «Слушай, Егор, ты меня знаешь, я тебя уважаю и начальник ЖЭКа тоже о тебе хорошего мнения, думаю народ меня простит, переводись официально на работу в ЖЭК я клянусь вот при всех сидящих, тебе квартиру дам в тот же день». Для Егора этот вопрос в его то 25ть лет вообще не открывался, даже в мечтах, а тут квартира для его семьи. «Я согласен, тогда переводом сразу же завтра 26го декабря» ответил парень, глядя в глаза зам. Пред. исполкома. Они пожали друг другу руки и снова в сырые и грязные подвалы отогревать факелами систему отопления.

Утром Егор вышел на свой автобус, рассказал бригаде и бригадиру, что он рассчитывается, и поехал в исполком за переводом. Демьяненко уже приготовил документ. Егор приехал в своё управление и зашёл на приём к генеральному директору Бушуеву. «Парень, я всё понимаю, но проработай же эти пять дней, получишь ведь 13ю зп и премию, а так всё потеряешь». «Простите пожалуйста, для меня в данный момент квартира важнее».

Михаил Васильевич не обманул, правда не в этот же день, а 16го января, сразу после праздников он сам позвонил: «Егор, что ты уже думаешь, что я врун?». «Нет, что Вы» разволновался парень. «Приезжай сейчас ко мне с паспортом, забери ордер и ключи. Тебе двушку хватит? Или подождёшь немного трёшку?». «Да нет уж, лучше синица в руках». «Тогда жду». Егор не бежал, он летел сломя голову, ещё не веря своему счастью. В приёмной исполкома на против кабинета Демьяненко всегда много народа. Егор подошёл к секретарю, уже не молодой, но всё ещё невестящейся Людмиле. «Люда, привет, меня М.В.Д. вызвал.» сказал он девушке. Она сняла трубку и после долгого гудка объявила, что пришёл Щербаков. Положив трубку, она послала Егора на первый этаж к Нине Сергеевне забрать ордер на подпись. Егор полетел. Нина сидел в своём кабинете и работала на машинке. Они были знакомы с детства, их бабушки жили на одной улице. «Привет Гоша!» по-старому назвала она парня: «Вон на столе бери свой ордер, я тебя поздравляю, иди к шефу сам подпиши и придёшь я поставлю печать». Егор к самому председателю ещё не входил, хотя знакомы они были, он поздравлял Егора и вручал ему 10ть руб. премии за хорошую работу. Парень поднялся и попросил Люду зайти самой и подписать. Та молча встала, взяла ещё какие-то документы и вошла в кабинет к председателю Дуднику Владимиру Александровичу. Через какое-то время она вышла, молча отдала ордер Егору и сказала: «Снова к Нине, поставь печать и отнеси его в паспортный ЖЭКа сдай в течении 10ти дней». Поставив печать Егор летел быстрее пули. На глазах у парня наворачивались слёзы. Надя только вышла на работу и вечером он её обрадует, и они пойдут смотреть своё гнездышко. Двушка, на пятом этаже девятиэтажки, было шикарной. Огромная, 14м кухня, уютная спальня и зал с балконом на обратную сторону дома, горячая вода и отопление с новой котельной, и самое главное в квартире уже стоял телефон, мечта каждого в те годы. У Егора началась спокойная жизнь.

Разницу в заработках сразу скомпенсировал, устроившись на своём микрорайоне в садик, где находился его сын, на пол ставки электриком, ну и начался заработок с населения. Профессия жэковского работника сама по себе уже предполагает, как предоставление услуг населению, где каждый, вызвавший тебя для работы в его квартире, старается потом отблагодарить. Как поётся в известной песне— «Взятки брать? Конечно буду. Буду брать пока дают. А не брать, так засмеют. В жизни главное, ребята, жить не только на зарплату». Здесь огромную роль выполняют мастера ЖЭКов. Получая вызов на устранение аварии, она начинает объяснять, что придётся долго ждать и сидеть без света, так как электрик один и работ у него выше крыши по объектам, а квартиры уже потом и дают номер телефона электрика. Клиент созревает в основ-

ном на второй день и приглашает в квартиру уже по данному телефону. За это мастер берёт один рубль, не зависимо дали там тебе денег или нет. Но дело стало процветать, Егор выполнял все заказы и утром, на наряде отдавал положенные суммы мастерам. Меньше червонца в день парень не зарабатывал. Каждый забойщик позавидовал бы такой з\п, при чём в шахту спускаться не надо и в чистом ходишь. Егор сразу приобрёл себе ЗаЗ М 966ть (с ушами) 30ть л\с и на нём разъезжал по нарядам. За зарабатываемые деньги построил в кооперативе шикарный гараж с подвалом и комнатой для отдыха с отоплением. Взял не последнюю, красного дерева, германскую стенку «Заалбург» и качественную мебель в зал и спальню, своей квартиры. Так бы всё и продолжалось, если бы после поступления в институт его не порекомендовали принять в партию. И отец, и мама у Егора были люди партийные, поэтому он согласился и ячейка ЖЭКа подала на него документы на вступление кандидатом в члены КПСС. Кто бы мог тогда подумать, что этот приём качественно изменит жизнь молодого парня.

На втором этаже горкома партии собрались партийные руководители с вновь принимаемыми перед залом заседаний, где собралась комиссия по приёму. Дошла очередь Егора. В костюме с галстуком и комсомольским значком на лацкане, повторяя про себя принципы коммунизма и тезисы вождя, молодой человек вошёл в зал. За длинным столом покрытым красной материей, на не высоком подиуме сидело семь человек. В центре, сам Первый секретарь, сосед с четвёртого этажа родительского дома, Борис Васильевич Дятлов. С права от него членом комиссии сидел Михаил Васильевич Демьяненко. Егор по здоровался, и партийный секретарь стала читать его характеристику. «Не надо продолжать» неожиданно перебил её Первый «Я, на пример, очень хорошо знаком с Егором и его партийными родителями. Ты что работаешь в ЖЭКе?» «Да, это наш лучший работник» ответил за Егора Демьяненко. «Ну вот видите, видите, лучший работник, а нам в стране и нужны коммунистами только лучшие работники. Егор, у тебя какое образование?» спросил Первый. «Горный техникум и учусь в ХИПИ» ответил парень. «Подходит?» задал вопрос теперь уже не Егору, а подполковнику в армейской форме, сидящему в конце стола так же, как член комиссии: «Да, полностью» ответил он. «Это замполит с нашего учреждения, зоны проще, Виктор Иванович Бескровный» уточнил Первый: «Егор, партийная организация города направляет тебя по комсомольской путёвке на службу в органы внутренних дел. Это огромная честь. Ты согласен?» Ну я бы посмотрел в тот момент на идиота, сказавшего бы Первому лицу города «Нет». «Конечно же я согласен и постараюсь Вас не подвести» ответил Егор. «Вот, это слова мужа» радостный и довольный ответом сказал Первый. «Секретарь, путёвку сюда я её сразу же и подпишу в торжественной обстановке, и чтобы завтра он был рассчитан и начал работать в органах».

С горкома партии Егор вышел кандидатом в члены КПСС и с направлением с двумя печатями горкома и горисполкома с подписью Первого и Дудника для работы в ОВД. Рассчитали Егора в этот же день. Начальник ЖЭКа начал звонить в горисполком с не согласиями, но его послали с этими вопросами к Первому, и он сдался. Утром Егор со всеми своими документами сидел в отделе кадров УЛ 314ть.

3.

Уг. Ро.

Коллектив отдела уголовного розыска города состоял из начальника, его заместителя, трёх старших оперативных работников, девяти оперативников и трёх помощников оперативных работников—лиц младшего начальствующего состава—сержантов. Никак не подчинялся, но всегда присутствовал на первом вопросе любого совещания—начальник ИВС (изолятора временного содержания). Первым вопросом любого совещания—работа оперов с агентурой в ИВСе. Опытный начальник изолятора в хвост и гриву отрабатывал оперов, которые только по одним им и ведомой причине не приходили вниз для снятия показаний. После его ухода началось основное, рассмотрение текущих дел, совершённые за ночь происшествия из КУПП дежурной части и докладов следственно оперативной группы за ночь. У каждого на коленках личная общая тетрадь или прошитый блокнот обязательно отмеченный в спец части, как секретный. Эти свои тетради опера хранят в сейфах и по их окончанию сдают в архив, только после этого заводят новую. Иногда в этих записях целые судьбы простых людей, всё услышанное агентами в камерах с разговоров, с нужными оперативниками и следствию, людьми.

Евгению нравилось всё. И умные и чуть сосредоточенные лица его коллег, и задаваемые вопросы, звучащие на них ответы и предположения, планы на этот день и на будущие. Сразу были видны лидеры сыска и такие же, как Женя, дилетанты. «Пепов, твоя задача раскрутить «Смешного» по убийству Фёдорова дружинника, на танцах прошлой ночью» неожиданно поступила команда от заместителя розыска. «Что мне надо делать?». «Ты человек новый, шахту знаешь, прикинешься шахтёром, которого взяли за драку в парке. Тебя переоденут и посадят в камеру к предполагаемому убийце. У него уже закончились сигареты, а ты войдёшь с почти полной пачкой с фильтром и сразу её за светишь в хате. Ну поругаешь матом там ментов, расскажешь, что невеста будет волноваться и ждать, что ты не виновен и потом попробуй разговорить этого гада. Молчит и всё». «Понял, старшина?». «Так точно, товарищ капитан». «Ну ты это брось, у нас так не принято в розыске, только по именам или в крайнем случае имя отчество, вразумил, салага?». Опера за улыбались, но про себя, так как суровый взгляд начальника, поставил всех юмористов сразу на место. Совещание закончилось и Женя пошёл в подвал для переодевания. Начальник ИВС, старый волчара, битый перебитый, резанный и стрелянный не раз, но продолжающий работать на самой не благодарной должности любого городского отдела, был осведомлен и ожидал «подсадку». Николай Николаевич Озеров, майор милиции перед пенсией, но работу свою знал не просто, а до скончально. Перед тем, как сажать в «хату» подсадку, необходимо было подготовить почву, для этого в длинном коридоре ИВС, пол которого устелен длинной шахтной конвейерной, прорезиненной лентой, для бесшумной ходьбы по блоку дежурного. Все дежурные по блоку переобувались в мягкие тапочки. Возле камеры «Смешного» разыгрывалось представление двух сержантов. Дежурный в пол голоса, но так, чтобы было слышно в необходимой «хате», обсуждали: «Так, в семёрке у нас четверо?» «Да, полная». «А пятая?». «Там ТБЦ». «Нет, к туберкулёзу не надо: «А в тройке что?». «Там же этот, малолетка, Захаров, по наркотикам». «Так, в общую сказали не кидать, там его мигом «бакланы» научат, что у него не 206я, а мелкое хулиганство и он ничего не скажет.». «А к «Смешному» если?». «Так следак же говорил, чтобы не подселять». «Ну что мне на голову его надеть, шахтёра этого грёбанного, что ли» возмутился дежурный. «А что там за фраер такой этот шахтёр?» поинтересовался выводной. «Да лопух, на него хотят «бакланку» спихнуть вчерашнюю у ресторана с поножовщиной, а он там даже не был. Его ППСники готового на лавке в парке взяли, хотели в вытрезивловку, а опера сказали в ИВС». «Лады, давай к «Смешному»

пока, а если следак вякнет, тогда перебросим». «Ведите его, только по шустрому». В коридоре зашуршали ноги и всё стихло.

«Смешной» Смешнов Олег Ярославович, ранее дважды судимый, первый раз по 206й «Бакланке» с отсидкой 3 года на малолетке, с чего на мизинце левой руки значился перстень с полоской к безымянному пальцу. Второй раз «гоп-стоп» 141- 142 УК Украины, пятёрочка от звонка и до амнистии самой большой после лета 1953 года, к 70ти летию Советской власти в ноябре – декабре 1987го года, когда на свободу вышло больше половины ЗЕКОВ страны. На спине «ЗЕКА» красовался синий собор с двумя куполами, а на правой руке «паук», который означал по –понятиям- «воровал и буду воровать». Зоны опустели. И вот теперь опера закрыли его по убийству дружинника в парке после дискотеки, но, как он понял, доказухи маловато. Он внимательно слушал трепню попкарей в коридоре. «Что это? Подстава? Или правда всем пофик чьи-то команды. Ведь и ему сам следак вчера после допроса сказал, что сидеть будешь один, чтобы никто не смог помогать». Он, как загнанный зверь мотался по камере, три шага вперёд, три назад. «Да вроде не подстава, а в правду нет места. Ладно, кинут «баклана» поглядим на рожу и определим» думал «Смешной».

Сержанты вышли из блока, и всё слушавший начальник ИВС тихо сказал: «Молодцы, по-моему, хорошо, без лажи проговорили». Он повернулся к стоящему Жене: «Первый раз идешь?». «Угу». «Не переживай, мы всё слышим, заточек у него нет, вчера его до гола раздели, супинаторы и те вырвали». Он походил волнуясь, за тем принёс шоколадную конфету, съел её на глазах у всех, а фольгой, смоченной в своей слюне, поводил по побелке стены и потёр у глаза Жени. Через минуту там красовался обширный синяк, и бить не надо было. «Ну, так вроде бы лучше. Сам вопросов сегодня не задавай вообще, слушай его и отвечай на его вопросы и плачь, что твоя девушка тебя не дождалась, короче играй истерику и всё, понял? Завтра тебя выведут после того, как его заберёт следователь на допрос. Ну с Богом, сынок, ни пуха». «К Чёрту» ответил опер и шагнул в блок. Камера открылась, его с силой толкнули и захлопнули с шумом дверь. Тускло горела над дверью в металлическом кожухе не яркая лампочка, в мутное, засиженное мухами окно, чуть пробивался дневной свет. В камере было тихо и пахло парашей. В углу стояла большая алюминиевая кастрюля для нужд с крышкой, бак с водой и на цепочке кружка, две двухъярусные нары с железными приваренными полосками вместо матрацев, между нарами бетонированный стол и две лавки так же металлические, а над ними окошко в почти метровой стене. Стены побелены, все в крупной «шубе». И самое главное—запах камеры, что-то вместе с потом, испражнениями, кислым запахом квашеной не свежей капусты, сероводородом и табачным дымом.

«Смешной» лежал на нижней нарке, подложив руки под голову и молча наблюдал за вошедшим в «Хату» человеком. «Здравствуйте» культурно по здоровался вошедший и не дождавшись ответа, сел к столу. Оба молчали. Прошло более трёх часов, когда не выдержал «Смешной». Он облокотился на железные прутья нарок, привстал и не громко спросил: «Чо молчишь, как тупая отвёртка?». «А об чём мне тебе говорить, мне уже сказали пацаны, что ты, как это у них— «квочка» тебя кинули, чтобы меня уговорить взять вину на себя. Так вот х..я тебе с маслом, не возьму, и поэтому лучше замолчи, а то морду разобью» выдавил из себя с не скрываемой злостью, Жень. «Смешной» даже присел сразу. Он свесил ноги с нары, поглядел внимательно на парня и тихо зашипел «Да ты знаешь, «баклан» грёбанный, с кем ты базаришь? Я «Смешной» меня вся областная братва уважает и знает». «Ты чо с детдома, что ли?» спросил Жень. «По чему из детдома?» не сразу понял «Смешной», «Ну какими-то братьями своими ты меня пугаешь?». «Смешной» так не смеялся давно. «Лады, братан, прости, что плохо на тебя в начале подумал» извинился он. «Я краем уха слышал, что тебе «Бакланку» тулят. Не переживай и ничего не подписывай, у них на тебя нет ничего, всё лажа, понял?» «Нет, что такое «бакланка»? Все обзываются, а не говорят». «Смешной» удивился ещё больше. Это 206 ст. УК Украины— «Хулиганство». «Так ведь я только пивка с ребятами выпил с этими, как их с

«Огнями Москвы» и ничего не помню» рассказал Женя свою историю. «С самогоном мешали пиво в пивном баре» перевёл «Смешной». Всю ночь «друзья» не спали. «Смешной» много рассказывал о своей судьбе, о двух «командировках», о братве, а Женя не задавал глупых вопросов, только удивлялся. Он всё больше и больше нравился «Смешному», особенно после того, как достал начатую пачку «Стюардессы» и удивился: – «А это то у меня откуда, я ведь не курю, может менты подбросили, чтобы я закурил и разговорился?». «Смешной» снова залился смехом. «Да видно вчера чью-то прихватил со стола, и всё». Он с удовольствием закурил. За что он сидит, сам не говорил, а Женя и не спрашивал особо ничего. «А что ты меня не спросишь, чего я тут парюсь?» спросил, затягиваясь очередной сигаретой, «Смешной». «Мне не интересно, самому тебе надо, расскажешь, а не расскажешь, мне и не надо. Мама мне всегда говорила: «Меньше знаешь, крепче спишь». В 5.30 дежурный прокричал по блоку: – «Подъём, на opravку, выносим парашу и 10ть минут на умывание, с первой «хаты», пошли». Лязгнул чей-то запор и по коридору к туалету в конец блока поспешили чьи-то ноги. «К камерам не подходить и не разговаривать, иначе без оправки будете, козлы!» кричал всё тот же не приятный голос попкаря. Минут через 20ть двери камеры открылись, и сержант скомандовал: «Выходим, живо, бак схватили и понесли, бегом». «Смешной» глянул на Женю, но их всего –то двое, а одному бака не дотянуть, рас плескаешь, а ему, как жулику, вроде бы нести в –падлу, но делать нечего, и Олег взялся за одну ручку бака. В туалете три «очка» и длинное бетонное корыто у стены с тремя кранами. Вылив содержимое параша в туалет, оба уселись рядом, потом быстро умылись и бегом назад в камеру, неся уже пустую, но так необходимую, ёмкость. Лязгнул запор и провернулся ключ в замке. Олег лёг на наре в свою обычную позу, Женя сел на лавку. Через некоторое время открылось окно кормушки и попкарь подал завтрак. Два куса чёрного хлеба, две кружки купеческого чая и по миске пшеничной сухой каши, к тому же ещё и не солёной, с воткнутыми в неё алюминиевыми ложками с обломанными ручками. Кашу есть не стали, а чай с хлебом выпили и вернули посуду в открывшуюся на мгновение кормушку. «Сейчас начнут тягать на допросы» сказал Олег. «Не бзди, тебя больше трёх суток держать не имеют права, так что молчи и ничего не подписывай, даже если станут бить. Понял?». «Угу» мотнул головой Женя. «Смешного» вывели первым. Женю подняли на верх в кабинет начальника ИВС и дали кусок белого хлеба и сладкого чая. «Я бы вообще-то пожрал бы чего» возмутился Женя. «Да не можем мы тебя кормить, пойми ты. Опытный жулик, а «Смешной» прошёл хорошую школу, определит по запаху с параша, что тебя кормили колбасой с маслом, не говоря уже о запахах из твоего рта, так что терпи. Что-то узнать не получилось с первого раза, я вижу, да?». «Да, он постоянно меня проверял, а ночью спросил, не хочу ли я знать, чего он сидит, я отказался сразу». «Молодец, тут ты прав, у нас ещё двое суток». «Это что я ещё двое суток голодный буду?». «Сегодня в обед подадим всему блоку из-за тебя, макароны с подливой и кисель, я уже заказал» пояснил Озеров. «Николаевич, и пусть подсолят, ну жрать же невозможно пресное» взмолился Женя. «Ты глянь на него, сутки просидел, а уже с претензиями» все заулыбались. Начальник ИВС шутить не любил, а здесь видно всё было по его сценарию, и он оставался доволен.

В камере было страшно одному. Слабая лампочка от скачков напряжения постоянно подмигивала под потолком в своей решётке над дверью и казалось, что по «хате» двигаются какие-то тени. Пробежала не большая крыса и запищала что-то в своей норе в углу под нарами. «Вот чёрт, ещё и крысы здесь есть» поджав ноги на нарке, подумал парень. Он лёг по примеру «Смешного» на спину и подложил руки под голову. Спина от металлических полос болела, на боку было немного удобней. «Как же его разговорить?» думал Женя «Ведь это его первое задание в уг.ро. Если провалю могут и не послать учиться на офицера, а он уже загорелся погонами». Шум в коридоре, кого-то бьют, было слышно гупание ног по телу и «гопанье» издаваемое «терпилой». Снова тишина. «На ласточку его козла поставь, что ты возишься?» и снова гоп, губ, гип. Занимались кем-то двое попкарей, которые не обращали никакого внимания на

то, что их слышит целый блок камер. «Всё, хорош, ну хорош я сказал, в «хату» его пид...а». Неожиданно двери Жениной камеры открылись и в помещение просто бросили избитое тело Олега. «Что смотришь, козлина? И ты, тварь хочешь, сейчас выведем, подожди, мразота, мы и тебя научим жизнь любить, гад». Двери с силой захлопнулись. Женя подскочил к «Смешному», помог ему подняться и уложил на его нарке. «За что же тебя так?». «Да очная ставка у меня была с одним продажным козлом сегодня» начал говорить Олег, морщась от боли «Где они его цапнули я не знаю, когда я этого дружинника валил, по-моему, не было никого, а тут полный расклад, во, собака дикая, где он взялся, гад». Олег перевернулся на бок. «Теперь, по-моему, срок у меня уже есть, если только этот член никуда не исчезнет до суда. Слушай, паря, я тебе бабла дам не меряно, ты выйдешь ни сегодня так завтра, передашь маляву кому скажу, а ещё лучше со слов. Понял?». «Так кто же мне поверит? Ещё подумают, что меня менты подослали, меня ведь кроме тебя твои эти братики и не знают вообще». Женя понял, что попал в струю и играл по полной. «Я скажу тебе ключевое слово для «Батюшки» и потом можешь ему всё рассказать то что я тебе скажу. Он с тобой и рассчитается сразу». «Ага, завалит меня и искать никто не станет, кто я такой—шахтёр не известный, да ещё и не местный с Красnodара. Нет, Олег, я боюсь». «Я тебе слово даю, а блатные не фуфлыжничают в таких ситуациях, понял?». Женя молчал. Он уже понял, что выиграл, что Олегу некуда деваться и он будет его уговаривать всю ночь. «Лады, дай мне немного подумать. А сколько ты дашь мне помощи для мамы?». «Три куска». «О... Зп за год почитай». «Лады, говори, что за слово такое и что надо сказать твоему святому». «Не святому, а батюшке в соседнем городе». «Дай я подумаю» вдруг сдал назад «Смешной». «Неужели я где-то перегнул палку? Поспешил?» думал Женя.

«Готовимся к обеду» прокричал попкарь в коридор блока и начал раздачу пищи. Окошко на мгновение открылось и в него просунули две глубокие миски с какой-то жёлтой жидкой баландой, тарелки с макаронами, чем-то подлитыми и кружки с киселём, по два куска чёрного хлеба и всё те же ложки без ручек. Женя попробовал жидкость. Это было подобие горохового супа, но есть его можно было, и он съел. Макароны были в меру подсоленными, а кисель даже сладким. Поел своё и Олег. В открывшееся окно он отдал всю пустую посуду. В коридоре бурчал попкарь «Хоть бы одна бл...ь сказала спасибо, а посуда сегодня вся пустая, видно поварила с мужем ночевала, настроение хорошее». Олег докуривал последние сигареты с пачки «Стюардесса», лёжа в своей позе и молчал. Молча сидел и разглядывал свои пальцы Женя. «А как хоть тебя зовут?» спросил Олег, приподнимаясь с нарков. «Жекой» мгновенно ответил парен, не отрывая от своих пальцев взгляда, как будто они золотые. Олег снова лёг и замолчал. «А живёшь где?». «В общежитии на шахте Ильича». «А как комендантшу зовут?». «Кирилловна» мгновенно ответил он. «А на каком участке и кем ты тарактишь?» Женя сел на своего коня и поведал, что такое бремсберг, как сажают лаву, сколько стоит купить для антенны провода у взрывников и ещё много разной чуши, которую в Великом Донбассе знают дети сразу с утробы матери. Неожиданно Женя понял, что ему уже нечего говорить этому блатному парню. Он лёг на своё место и отвернувшись к сырой и тянущей холодом стене, попытался вздремнуть. Спал он не долго. Его толкали и трясли за плечо. «Ну ты и храпака давал, оглохнуть можно». «Прости, ночь то мы с тобой не спали, вот я и прикорнул чуток». «Смешной» сидел на скамейке перед Женей и глядел ему прямо в глаза, если при таком освещении вообще можно было что-то разглядеть. «Лады, слушай. Приедешь в собор, найдёшь там батюшку Алексея и скажешь: «Сам ты еретик, а потом всё что я тебе наговорю, понял?». «Да». «Скажешь, Смешной дал слово, что ты отдашь три косых ипустишь с миром». Женя повторил. «А теперь внимательно слушай, два раза повторять не стану...».

Женю вызвали на допрос ближе к ужину. Рассказав всё дословно и ответив на все вопросы начальника розыска и зама, Евгению на конец налили не полный стакан первача, изъятая сегодня участковыми у самогонщика и уже добросовестно заканчиваемого выпивать в отделе, нарезали «докторской» колбаски местного мясокомбината и откупорив трёхлитровую

с прод. пайка, банку огурцов, похожих размерами на противотанковую гранату. Женя выпил и теперь закусывал с огромным удовольствием. Его похвалили, убийство подтвердилось, да ещё есть возможность взять по горячему исполнителя на следующее мокрое дело. «Всё, иди отдыхай, да сразу в душ прежде чем своё надевать станешь. Фу, запах камер чувствую за км.» отпустил его нач. ИВС. Душ в отделе был свой в спортивном зале. Женя купался долго. Самогон сразу ударил в голову и пустой желудок, его развезло под горячими струями воды, но он всё же вымылся и теперь сидел на длинной скамейке в предбаннике и ожидал своего нового товарища по уг.ро, который отлучился за пивом. Голова болела, в ушах шипело и Женя, не дождавшись обещанного напитка, ушёл спать к себе в малосемейку.

После утреннего совещания у Капицина, Женю попросили остаться. «Ну, как, выспался, герой?» спросил его Александр Иванович хлопая дружески по плечу. «Да». «Тогда обсудим второй и теперь уже главный вопрос. Я докладывал вчера результаты на совещании у начальника гор отдела и получил добро на продолжение операции. Это значит, что ты поедешь в соседний город, найдёшь там криминального «Батюшку» и передашь ему слово в слово всё то, что и как научил «Смешной». Истребуешь деньги за работу и спокойно вернёшься в город. За тобой обязательно поставят братки свои глаза. Не оглядывайся, не замечай их, чтобы не спугнуть. Возьмёшь пузырёк водки и закуски, чтобы видел тот, кто будет следить, и поедешь к себе в общагу. Там будет сидеть новая дежурная, ты с ней обнимешься, как со старой знакомой и пойдёшь к себе. Дальше всё, можешь побухать, только с общаги не выходи больше. Понял? На работу тоже пока не ходи. Дежурная ответит на вопрос о тебе, что уволен за прогулы с шахты и теперь будешь искать себе новое место для работы и жильё. Сиди и жди команды. Продуктов купи больше. Всё понял?». «Да мне бы денег получить в кассе». «А за чем, у тебя же три косяра с собой будет, можно так месячишку гульнуть, не выходя с общаги. Эх ты, салага!».

С автовокзала на рейсовом «Икарусе», Женя доехал до нужного места и у прохожего по интересовался: «Скажите пожалуйста, где здесь новый собор?». «Что? Собор?» заулыбался остановленный Женей парень «Да какой там собор? Это бывший клуб нашего завода. Ещё в прошлом году там фильмы смотрели да на дискать бегали, а сегодня—собор. Вымутил его каким-то образом наш местный блатной Леха и нарядился батюшкой, а стены все иконами что в зоне нашей зеки делают, завесил, да алтарь сделал. Собор! Какой там собор, вон он. В место колоколов на звоннице повесили разрезанные кислородные баллоны и теперь звонарь лупит по ним молотком. Да крест деревянный жёлтой краской покрасили и поставили на крыше. Собор!». Парень повернулся и пошёл прочь по своим делам, а Женя поспешил найти батюшку Алексея.

Батюшка находился в своём храме. Он стоял на входе и руководил установкой бетонного забора вокруг здания. «Здравствуйте, батюшка», обратился Женя к священнослужителю. «И тебе не хворать, сын мой» грудным, чуть наигранным голосом ответил поп. «Я к Вам по делу» «По какому такому делу?» не обращая на него внимания спросил батюшка глядя мимо Жени на автокран, поднимающий очередную плиту. «А ты то сам еретик, батюшка» не громко сказал парень. Поп забыл сразу про автокран, резко схватил Женю за рукав и затянул в помещение. «Говори бегом, где «Смешной», что с ним? Говорят, что его закрыли по макрухе?» затараторил поп. Они вошли в не большой, но хорошо обставленный новой мебелью, кабинет. Алексей открыл одну дверцу шкафа, достал начатую бутылку немецкого питьевого спирта «Роял», тарелку с не большими пирожными, только внутри у них был не сладкий крем, а красная и чёрная икра в равных пропорциях. «Бери выпей» предложил батюшка. Женя не стал себя давать уговаривать. Он выпил рюмку и закусил. «Расскажи подробно» сказал поп. «Мы с ним в одной камере в ИВСе сидели. Он просил на словах тебе передать следующее» и Женя многозначительно умолк. Поп налил ему ещё, подвинул в плотную к нему вазочку с пирожными. Парень снова выпил и молча сидел, и ел лакомства. «Ты что сюда жрать приехал?» возмутился Алексей. «Нет, просто Олег мне сказал забрать у тебя три косых, а только потом говорить. Поп

молча достал три, перевязанных банковской лентой, пачки червонцев и кинул их Жене. «Олег просил тебя устранить одного человека. Единственного свидетеля. Фамилия его Бродин Сергей, работает в кинотеатре киномехаником. Не будет его к Олегу нет претензий.» доедая очередное пирожное, и рассовывая пачки по карманам, рассказал Женья. «Понятно, ну свидетель ещё один нарисовался теперь» с улыбкой сказал батюшка «Какой резон мне тебя отпускать, да ещё и с таким баблом?». Женья спокойно налил себе ещё немного, выпил и закусив, повернулся к попу: «А если я близкий друг у Олега? Тогда как?». «Ладно, когда это надо?». «Вчера» ответил парень, поднялся и спокойно зашагал прочь, не дав опомниться Батюшке Алексею.

Батюшка соображал быстро. За Женей он послал молодого прислужника, объяснив ему, что и как надо сделать. Женья срисовал хитрые глазки в автобусе, но вида не показал, как и учил его Александр Иванович. Он вышел на центральном рынке, зашёл в «Кооператор». Купил две палки самой дорогой сухой колбасы, две бутылки дорогой водки «Смирнофф», каких-то дорогих рыбных консервы, хлеб, печенье и «Кока-колу». Вышел и спокойным шагом, выпившего и идущего продолжать отдых, человека направился к себе в общагу. На вахте сидела молодая девица с ярко накрашенными губами и беджом с надписью: «Дежурная Оля». Женья похлопал её, как давно знакомую и не только просто знакомую, по мягкому месту, получив тут же подзатыльник и указание не шалить и отправился в свою комнату, оставив Оле шоколадку «Алёнка». Следом за ним вошёл и парень. Поглядев со стороны за ухаживаниями Жени за девушкой, он осторожно подошёл к стойке и спросил: «Скажите, а поселиться сюда можно?». «Можно конечно, но только через поступление на работу на нашу шахту» ответила девушка, что-то записывая в журнал. «И места свободные есть?». «Да всё есть, что пристал, вон этого дурака выгоняют, с работы уволили за то, сто посадить хотят, а он прогулял ещё и отсидел где-то там в КПЗ что ли. А у него хорошая комната. Так что давай к нам на шахту и поселяйся, вот так» и она вновь стала усердно что-то записывать в свой журнал, не обращая внимания на паренька. Молодой человек с чувством полностью выполненного долга, ретировался. Уже через час он докладывал все подробности «батюшке».

Стук в двери разбудил уснувшего Евгения. На пороге стоял Александр Иванович. «Ну и разворошили мы с тобой осиное гнездо, Женья» проходя в комнату начал разговор начальник розыска. «Сегодня наша наружка сбилась с ног, чтобы никого не упустить. Вот бандюги, не глупые есть и там люди, по уму узнали всё о свидетеле и уже пасут его у дома. Тебя вели до общаги, потом у Ольги нашей всё о тебе узнали, проверили значит, что не наврал, потом в ИВСе узнали от своего «попкаря», что ты сидел вместе со «Смешным», потом пробили по адресному где живёт свидетель и вот теперь пасут его, чтобы ликвидировать». Женья выслушал замысловатые выражения своего начальника и спросил: «А мне что сейчас делать?». «Собирайся на учёбу в школу милиции в Донецк, направление начальник уже подписал тебе в виде благодарности за раскрытие. Всё понял? Послезавтра машина от нас пойдёт в Донецк и тебя прихватит, в общем ты не выходи сегодня, а собирайся, мне такие офицеры, как ты, нужны край». Александр Иванович отрезал кусочек колбаски и спросил: «Деньги где?». «Вот все за минусом покупки». Женья выложил на стол все деньги. Александр Иванович отсчитал 2500 рублей, свернул их как-то хитро трубочкой и положил себе в карман рубашки: «А остальные тебе, как подъемные». «Да тут две мои з\п» не уверенно переспросил парень. «Ничего, всё нормально» сказал выходящий в коридор начальник. Через день Женья уже был зачислен курсантом на двухгодичное обучение в Донецкую школу милиции. «Смешного» и его не удавшегося подельника посадили. К «батюшке» следователи претензий предъявить не смогли.

Наступили времена, когда финансирование с центра уменьшилось и стал вопрос о сокращении или переводе на местный бюджет части подразделений городского отдела. Иван Иванович Фиртов, к тому времени уже старший лейтенант милиции, никогда в сказки не верил, только в живые деньги, которые он любил чуть больше чем женщин, понял, что можно потерять работу и доход и надо искать себе место. В это время на новом микрорайоне «Южный», где у

городского отдела был ПОМ (поселковое отделение милиции) с отдельным штатом в основном участковых и ППС, собрался на заслуженный отдых и дорабатывал последние недели, начальник, майор, заслуженный человек, который не сумел сойтись мнениями с Мэром и начальником отдела. Ваня включил всё своё обаяние и влюбил в себя жену Мэра города, уже не молодую, но ещё достаточно свежую, помощника прокурора города, которой не хватало мужского внимания из-за известных обстоятельств. Никто не хотел неприятностей от прокуратуры и главы города. Юлия Львовна сразу же заметила молодого черноглазого красавца с ППС. То он как бы случайно сам за рулём «Уазика» подберёт её у выхода с прокуратуры в плохую погоду и подвезёт прямо под самые ворота её дома, всю дорогу весело рассказывая забавные истории из жизни или банальные анекдоты. То во время её суточных дежурств по городу, как прокурора, пригласит в солидное кафе выпить чашечку кофе с пирожными. То просто смотрит влюблённым взглядом в её сторону на любых совещаниях при прокуроре. И это как ни странно, сработало. Она влюбилась в него и уже сама искала встречи, часто просто звонила, как бы выяснить какой-то вопрос. Всё произошло прохладным осенним вечером после праздника 10го Ноября Дня Советской милиции. Ваня забрал Юлю после фуршета, зная о том, что её муж, прокурор города и начальник ГО поедут в парилку со всеми вытекающими, где уже готовился шашлык и ждали молоденькие девочки с пед. училища. «Как кружится голова» играла свою роль Юля. «Ох, давайте я Вам помогу войти во двор? Собаки там нет?» услужливо, заранее зная, что собаки у них нет, как и нет общих детей у неё и Мэра города. «Нет, собаки, ох и правда, проводите меня, чтобы я не поскользнулась на мокрых ступеньках». Ваня вошёл в дом и сразу запер на ключ дверь. Она так же заметила его движение с замком. «Ванечка, проходи, сейчас кофе сварю, присаживайся, я на минутку». Он сел в шикарное мягкое кресло у бара—торшера и включил стоящий на нём японский магнитофон двухкасетник «Сони». Тихая музыка группы «Скорпионс» наполнила зал. Юля вошла в розовом, прозрачном на свету от торшера, халатике с довольно приличным вырезом декольте. В руках она несла поднос с двумя чашечками ароматного бразильского кофе. «Может по рюмочке Рижского бальзама?» спросила она, играя глазами. «Или виски?». «Что Вы то и я» нашёлся Ваня. Она принесла виски, рюмочки и села на против него в другое кресло. Халатик как-то сам по себе оголил ещё красивые ножки, и Ваня не выдержав начал атаку. «Юленька, милая, я не знаю, что со мной происходит последнее время» шептал он ей стоя на коленях и держа её за руки. «Я в Вас влюбился и мучаюсь, боюсь признаться». Он обнял податливое тело за плечи, она и не думала сопротивляться, поднял её на руки и понёс на диван. «Нет уж, тогда лучше в спальню» прошептала она и обняла его за шею...

Ваня вырвался от неё около трёх ночи. На все его уговоры, что придёт муж, выпившая и влюблённая женщина, потерявшая на миг голову, отвечала полным безразличием. Ваня вывернул машину за перекрёсток, когда с противоположной стороны проехала «Канарейка» ГАИ, сопровождавшая машину Мэра домой. «Вот, чёрт, чуть не влип» подумал молодой ловелас. Встречи их стали стабильно частыми. Она ловила любую возможность при отсутствии мужа затащить молодого монстра секса себе в постель и выжать из него все его соки. Ваня решился на разговор, время поджимало, а конкурентов было уже несколько. «Милая, мы не сможем так часто встречаться с тобой». «Почему это?» не поняла дама. «Я ведь работаю, как ты помнишь ещё, и у меня масса начальников. Мне бы что-то другое подобрать, что бы я был по свободнее во времени. Знаешь, есть одно место, правда там на него уже несколько человек претендуют. Там я был бы на много свободнее, да и квартиру можно быстрее сделать себе для нас». «Что за место?». «Да на Южном микрорайоне начальником ПОМа». «Да, ты прав, было бы хорошо, завтра тебя назначат туда». «Как? Я ещё даже не просил руководство, просто мечтаю лежу, а ты завтра». «Ладно, давай ещё разик, а это не вопрос, завтра тебя вызовут и станут ещё уговаривать принять её». Ваня доводил до полного иступления свою партнёршу, а душа пела от победы. «Да, любовь – это великое оружие!» подумал молодой самец. Утром, после развода,

его вызвали в приёмную начальника отдела. «Товарищ полковник, старший лейтенант Фиртов прибыл по Вашему приказанию!» доложил он, войдя в кабинет. Начальник ГО сидел молча и рассматривал вошедшего офицера. «Скажи мне, старлей, как это получилось, что сам Мэр просит назначить тебя начальником ПОМа на Южный?». «Так откуда же мне известно? Видно после нашей с ним игры в шахматы? Я впервые от Вас слышу это предложение». «А... Так ты не хочешь и отказываешься?». «Никак нет, товарищ полковник, оправдаю Ваше и господина Мэра доверия». «Идите в канцелярию и отдел кадров, принимайте дела, поздравляю Вас». «Спасибо!» выскакивая с кабинета уже прокричал Ваня. Дело сделано.

ПОМ располагался в самом начале нового микрорайона города. Двухэтажное, удобное здание и гараж были обнесены обычным двухметровым бетонным забором с колючей проволокой вверху. Металлические въездные ворота и КПП с шлагбаумом. В штате 14ть участковых уполномоченных, два старших участковых, три офицера в дежурной части, четверо водителей, один из которых личный у начальника, остальные в дежурной части, все числились старшинами в городском ГАИ, и 10ть человек ППСников с местного бюджета, гражданский секретарь машинистка и два вольнонаёмных рабочих—слесаря сантехники и электрики в одном лице. Один офицер из числа старших участковых—его зам. Итого 37ть человек вместе с ним. Оперативников и следователей в штате не было. На все тяжкие преступления выезжала машина из города. В просторном гараже два Уаза 469ть (для ДЧ) и для начальника старенькая, но бойкая «канарейка» ВАЗ 21012ть, и два тяжёлых мотоцикла «Урал» закреплённых за старшими участковыми. Дежурная часть не суточная, график работы отдела с 9ти до 18ти, ДЧ—С 17ти до 10ти утра в субботу—воскресенье—сутки. В 9ть утра и 17ть вечера –разводы. Ружкомнаты своей нет, оружие получать и сдавать необходимо было в ДЧ города. Территория обслуживания ПОМа достаточно велика, это не только сам микрорайон «Южный», а огромный «Вагоностроительный» завод с прилегающими к нему территориями и самое главное—железнодорожный рынок. На огромной пустующей территории по разрешению руководства города, был организован рынок автомобилей. Ваня мгновенно оценил ситуацию и сделал всё, чтобы забрать эту должность себе. Теперь он был «на коне» и имел возможность взять рынок под свой контроль. Своё первое, ознакомительное совещание он провёл в своём актовом зале со всеми своими сотрудниками. Своим водителем он назначил переведенного до этого с городского ППС в городское ГАИ Солотова Сергея. Участковые были наслышаны о специфике работы Фиртова. После ознакомительного разговора со всеми вместе, Ваня стал беседовать с каждым офицером в отдельности. Цену отдачи в месяц он начал с 200купонов с участковых, 50 купонов с ППСников и по 100 купонов с офицеров ДЧ. Для зарабатывания средств он стал привлекать офицеров ДЧ в патрулирование в субботы и воскресенье в своё свободное время по железному рынку. Развернуться здесь было куда. Начальнику ГО Ваня отдавал 3000 купонов в месяц. За три месяца Ваня отсеял всех не угодных участковых, которые отказались от таких условий и ручеек начал сначала просто капать, а потом превратился в хорошую речушку, давая жить не только торгашам и блатным, но и людям, охранявшим их покой. Это был его первый успех. Свою, хоть и почти свежую любовь, Ваня бросил, подставив ей молодого участкового во время ночного дежурства и поймав их на горячем. Ваня даже пустил слезу на прощанье, но встречи сразу же прекратил. Через какое-то время её перевели прокурором в другой город.

Рынок стал основным местом дохода Фиртова. Проходя вместе с Солотовым по рядам торгующих людей, он опытным глазом определял, того, кто торгует чтобы прокормиться, а кто наживаться и включал буйную фантазию. Сергей в форме подходил к нужному человеку, отводил его в сторону и культурно объяснял, что места торговли под «крышей» платные, называя при этом сумму равную 10%от продажи товара (за что Ваню торговцы между собой звали – десюликом), которую озвучил ему перед этим начальник. Первое время Сергей говорил просто названную сумму, а потом стал прибавлять к ней и свой бонус. Торгаши в основном соглашались с первого раза. Тех, кто не хотел расставаться с доходами, дежурившие офицеры ДЧ заби-

рали с товаром и уводили с собой. Торгашам жаловаться было просто некому и простившись с «конфискованным» товаром на следующий раз они соглашались. Конфиска тут же отдавался своим торгашам и реализовывался. Появление Вани на «его» рынке, сопровождалось быстрым общим перешёптыванием между торгующими: «десюлик пришёл». И уже во всю жарился пашлык, которым в обязательном порядке угощался «хозяин» со своей свитой под разлив лучшего, специально привезенного для такого случая, коньяка. Простых торгашей Ваня не обижал и запрещал щелкать своим людям. «Нельзя накалять и до того горячую обстановку» говорил он: «Пускай люди продают что-то своё им не нужное. На этом они не разбогатеют, а нам за поддержку, скажут спасибо». Это начинались 90е годы. Ваня строил себе дом.

Виктор Алексеевич Горобченко, хотя и служил в «конкурирующей фирме» Фиртова, но теми качествами лидера, как Ваня, не обладал. Он всю службу ему завидовал и делал так же, как поступал товарищ. Когда они работали вдвоём командирами взводов ППС, Вите понравилось снимать подачки с сержантского состава, здесь он даже преуспел. Горобченко, в отличие от Фиртова, ввёл систему штрафов и нещадно обдирал ими своих подчинённых. Ваня ему часто говорил: «Дурко, не жадничай, нельзя доить курицу, несущую тебе же золотые яйца, нет у ней молока, она птица». Но Витя не понимал смысла умных, иногда ироничных, высказываний Вани. Он жаждал мгновенной наживы из ничего. За эти качества его прозвали «Душе глотом». Но развернуться по настоящему Вите удалось только, заняв освободившееся место начальника медицинского вытрезвителя города. По иронии судьбы он находился около городской бани за стадионом «Авангард». Место освободилось неожиданно, и Витя кинулся к Ване, который имел уже подход к начальнику ГО города. Бывший начальник попросту сам спился и его торжественно отправили на пенсию. Витя купил хороший презент для руководителя, и Ваня его отнёс в кабинет начальника заручившись перед этой поддержкой начальника финансовой части, которому все сдавали положенные суммы ежемесячно. Ване было выгодно иметь должника в медвытрезвителе, тем более, что они работали всё время вместе и не ругались, хотя и друзьями не были. Начальник ГО выслушал все «За» и «Против», внимательно посмотрел в сторону нач. фина, который сделал утвердительную отмашку головой, и озвучил Ване для передачи Горобченко сумму его будущих ежемесячных взносов в кассу ГО. На следующий день приказом по ГО с утверждением в главке, Витя был назначен на эту должность.

Первое, с чего он начал, это перетянул за месяц всех своих «лучших» ППСников в вытрезвитель. Штат был довольно небольшой. Три медика—фельдшера, шесть постовых милиционеров, три водителя и три дежурных офицера в ДЧ. 16ть человек вместе с ним. В стране продолжалась Горбачёвская борьба с пьянством. Водку продавали с 14ти до 19ти часов и только лицам, достигшим 21года. В больших магазинах города были организованы пункты продажи спиртного. Со всех витрин его давно уже убрали. Очереди стояли в несколько рядов. В одни руки давали не больше двух бутылок водки или четырёх бутылок вина. В очередях часто вспыхивали скандалы, которые иногда доводили до потасовок, поэтому возле таких пунктов в обязательном порядке дежурили милиционеры. Это и стало поприщем для Вити.

Отстоявшие несколько очередей сразу мужики, тут же начинали пробовать на вкус выстраданную с такими нервами—матушку водочку. Молодцы старшего лейтенанта Горобченко не терялись, забирали их мгновенно за распитие в не положенном месте. За сквернословие или просто за не трезвый вид. Забирали не всех. Грязного и вонючего пропойцу пропускали мимо или просто били, а вот людей, прилично одетых и с деньгами, забирали и привозили в медвытрезвитель, где их с удовольствием ожидал Витя с командой своих «разводил». Бюджет Виктора пополнялся не только за счёт его рабочего места. Жена его—Галка (Горобчиха, так её звали на её работе), работала бухгалтером на городском мясокомбинате. Директор этого производства, как и градоначальник, Первый Секретарь горкома Партии и начальник ГО города — были людьми, которым отдавали честь милиционеры, гайшники, когда те следовали своим автотранспортом по городу. Даже прокурору города так не льстили, как директору мясокомби-

ната. Это была величина. На комбинате, который находился за чертой города, работало почти 2000 человек. Бойня работала на два конвейера с 8ми утра и пока отпустят, иногда по 12—14 часов в сутки с одним выходным днём. З/П у простого рабочего—разборщика субпродуктов при таком графике работы составляла до 120 купонов в месяц включая премии и смехотворно дешёвая столовая, где на 20копеек можно было покушать «от пуза». Но в счёт компенсации переработок и каторжного труда ежедневно они могли взять несколько килограмм свежего мяса. Для этого женщины придумывали различные ухищрения, чтобы пройти проходную, где несли свою нелёгкую службу бойцы ВОхра. В простонародии вынос называли «конём». Выходили с проходного комбината в основном все «беременные» на 8м месяце, хотя утром при входе, они ещё были нормальные. Ведь то, что они взяли за свою переработку в цеху, ещё не означало, что ты это вынесешь. Охранникам на КПП давалась установка, что «можно пропускать по чуть-чуть до 2х—3х кг на каждого». Они тщательно ощупывали идущих работниц и, если понимали, что мяса у тех больше—возвращали назад, но могли и составить протокол, за который несунa лишали премии или просто ругали на собрании при общей массе таких же несунув. Мясо компенсировали экономисты комбината путём уменьшения категорийности принимаемого скота на бойню. Бывали случаи, когда проводимая местная ревизия находила в холодильниках комбината излишки мяса, на которых весь комплекс мог бы работать несколько недель. Тогда, по вынужденным причинам, уменьшали рабочий день, а соответственно и з\п, и увеличивали отпуск мяса несунам. И тут в работу включались предприимчивые милиционеры Вити. Галка носила каждый день и рассказывала Вите, когда нормы увеличат. Ведь трусить малую норму никто не позволит, а вот увеличенную... Витя подвозил своих одетых в форму сотрудников под мясокомбинат и сидя где-то в сторонке, ожидал конца смены. Своего транспорта комбинат для доставки рабочих не предоставлял и все пользовались то ли своим, то ли попутными автобусами, или просто грузовыми машинами. На остановке собиралась толпа рабочих «на конях». Подъезжал автобус, люди садились в него, автобус трогался и его тормозил гаишник. Двери открывались, и милиция в форме объявляла, что это проверка БХСС. Буквально все женщины тут же сбрасывали мясо на пол автобуса и выходили на улицу уже пустыми. Никто не хотел скандала. Милиция садилась в автобус и им оставалось лишь собрать брошенное ни чьё лучшее, такого не купишь даже на рынке, мясо. В хороший день собирали до 200—250 кг отборного продукта. Витя давал по паре кг своим сотрудникам, своему руководству, а остальное отвозил своей «свахе» на центральный рынок, которой сдавала ежедневно принесенное мясо на продажу его жена. Приработок у Вити был солидным. Ваня завидовал, но сделать ничего не мог, район был не его. Через время Горобчиха открыла свой магазин на рынке и занялась торговлей. Пришло время челноков, а значит купи—продай (барыжничество, или на языке закона, —обычная спекуляция), выходило с подполья старых «толкучек» и занимало свою ячейку в общей торговой массе. Витя начал строить дом...

4. ВОРы.

Начальник отдела кадров УЛ314ть, старший лейтенант внутренней службы Татьяна Александровна Ильчак внимательно изучала все поданные Егором ей на стол, документы. «Ну, что ж, всё в порядке, все документы соответствуют приёму Вас на службу в органы МВД. Сейчас поднимемся к начальнику учреждения, решим вопрос куда и кем Вас оформлять и тогда будете заполнять мне все анкеты», голосом опытного кадриста, рассказала женщина. Они поднялись на второй этаж четырёхэтажного здания штаба и вошли в приёмную. Секретарь, не обращая на них ни малейшего внимания, что-то усердно печатала на машинке, откусывая время от времени кусочки от большого, красного яблока. «Валюшка, Александр Николаевич у себя?». «Да» просто ответила она и стала продолжать печатать. «Войти можно?». «Нет» так же безразлично ответила девушка и не думая что-либо пояснять. Чувствовался навык профессионального секретаря. Немного постояв в приёмной и дождавшись пока Валя закончит печатать очередной лист, нач. кадров спросила ещё раз: «Валя, войти можно?». Девушка вставила очередной лист в машинку, взглянула на Егора и спросила: «На работу?». «Угу» мотнул головой парень. Девушка оторвалась от стула, открыла двойную дверь кабинета и исчезла за ней. «Кукла» плюнула Татьяна Александровна: «Блатная кукла». Егор промолчал, это не его дело. Дверь открылась, Валя вышла, села молча на своё место, глянула на ожидающих и тихо сказала: «Ну, что стоим, чего ждём, особого приглашения? Входите» и опустив свои зелёные глаза к машинке, вновь углубилась в срочную бумажную работу.

За солидным, лакированным столом в огромном кабинете с двумя большими окнами сидел не большого роста, щуплый подполковник внутренней службы в кителе со значком Депутата городского совета. Папышев Александр Николаевич занял эту должность сравнительно недавно, оставив занимаемую до этого должность главного инженера учреждения. Под стенами стояли мягкие стулья, на стене гравюра Вождя всех народов, за спиной полированная стенка с множеством книг и открытая потайная дверь в комнату отдыха. «Разрешите, товарищ полковник?» специально не называя приставки «под» спросила Ильчак. «Да, входите» ответил подполковник. Его восковое лицо казалось не подвижным и слова он произносил вроде бы через силу. «Вот, с горкома партии по комсомольской путёвке направлен к нам в учреждение для прохождения службы» протараторила она. «Да, да, мне вчера лично звонил Первый и сказал, что старается выполнять наши заявки и предоставлять лучших, тем более кандидатов в Партию» выдавил из себя начальник. «А ты что знаком лично с Борисом Васильевичем?» бесцеремонно переходя на «ты» обратился Начальник к новенькому. «Так точно, товарищ полковник» подыграв начальнику кадров, ответил Егор. «Мы с одного подъезда». «Тогда всё понятно, а я подумал, что ещё один блатной прибыл на работу» вдруг спокойно начал рассуждать руководитель. «Кем ты работал? Где?» После не большого рассказа о своих трудовых успехах начальник взглянул на начальника кадров и снова тихо, уставшим голосом сказал: «Оформляй его начальником ПСУ (паросиловой участок). Думаю, что он потянет самый трудный и ответственный объект учреждения, и сразу же давай готовь ему документы на звание младшего лейтенанта». «Слушаюсь» ответила Татьяна Александровна. Выйдя с кабинета, она прошла мимо Валентины и хлопнула входной дверью. «Вот сучка» не переставая печатать сказала ей в вдогонку секретарь. «Спасибо Вам» улыбнулся Егор Валентине. Та оторвалась от работы, поглядела на парня и неожиданно красиво улыбнулась. «Как тебя зовут?». «Гоша, то есть Егор Щербаков» ответил парень и поспешил в отдел кадров за уходящим начальником.

Целый день ушёл на заполнение всех необходимых бланков, ещё один день на фотографирование и снятие с воинского учёта и вот, Егору выдали пропуск в зону и назначили на период ознакомления инструктора—наставника, главного энергетика, он же и прямой начальник Егора, Ивана Васильевича Пулия. Майор внутренней службы Пулий работал в учреждении более 20 лет и считался самым опытным из всего энерго отдела предприятия, сотрудником. Среднего роста, худощавый, с приятными чертами лиц, чёрные, как воронье крыло, волосы на голове, с нависающими над глазами—брежневскими бровями, «бандера» был родом с Западной Украины. Они сошлись быстро. Пулию нравилось, что молодой сотрудник понимал в энергетике, разбирался в котлонадзорном оборудовании и имел допуск к работе под напряжением свыше 1000 В. Иван Васильевич представил назначенного начальника участка мастерам и спец контингенту, а сам начальник учреждения всему личному составу на общем, ежедневном разводе—построении. Егор втянулся в работу довольно быстро. Ему было всё интересно, но особенно ему нравилось то обстоятельство, что по первому его слову—команде, начиналось всё крутиться и работать, зеки заглядывали ему в рот, стараясь понравиться и получить расположение к себе. Мастерами на участке работали все пенсионеры—гражданские, бывшие сотрудники, вышедшие на пенсию по возрасту, ещё воевавшие и имеющие боевые награды, но, на жаль, не имеющие опыта работ на энерго объектах. Во время своей службы они были, кто режимником, кто оперативником, но только не мастерами производства. Егор понял это сразу же, проведя первое совещание в своём кабинете в зоне. Все пенсионеры внимательно его выслушивали, но глядели, как бараны на новые ворота, ничего не понимающими взглядами. Создавалось впечатление, что до его прихода сюда, здесь был полный хаос. Пулий не лез в начинания молодого начальника участка, но по первой просьбе приходил и оказывал поддержку.

Паросиловой участок любой зоны, самый сложный объект повышенной опасности. Он включает в себя котельные, компрессорные, углекислотные станции завода на промзоне, все подстанции, а также всё коммунально—бытовое хозяйство жилой зоны, роты охраны, штабов и иных объектов за пределами охраняемого участка. Егор сразу же оценил всю свою выгоду от этой работы. Из всех работающих в зоне сотрудников, только начальники цехов и участков могут выписывать со склада учреждения необходимые материалы и оборудование. Для этого нужно просто наладить хорошие отношения с начальником снабжения и главным бухгалтером, ставящим в требовании свои подписи. Плюс к этому у одного Егора в пропуске стояла буква «А», которая была только у оперативного и режимного состава и первых руководителей учреждения и давала право бесконтрольно входить и выходить с территории учреждения любое количество раз. Весь остальной персонал заходил в зону к 8 ми утра, выходил на один час в столовую и выходил в 17ть часов на автобус после работы. Склады изначально находились в зоне. На них работали кладовщиками женщины. Чтобы женщина вошла в мужскую колонию, на промышленную зону, к своему рабочему месту, ей необходим был сопровождающий офицер или два человека гражданских мужчин, работников лагеря. Сами они передвигаться не имели права. Женщин в зоне работало много. Инженеры в цехах, экономисты, нормировщицы, кладовщицы, медперсонал в санчасти, учителя в вечерней школе и профтехучилище. Весной 1988 года в соседней колонии произошёл захват медсестёр в санчасти вооружёнными зеками, которые требовали автобус, денег и выезд без препятствий. При выезде с зоны их уничтожили, но после этого случая вышел приказ всех женщин из зоны вывести. Это и решило судьбу складов, которые так же вывели с территории за зону и тем самым облегчили людям, имеющим право на выписку, пользоваться своими возможностями. Не нужно было лишний раз просить пропуск на вывоз. Начальники цехов вздохнули свободнее. В зоне остались лишь склады металла и дерева. Учреждение работало с автомобилями. На огромной территории промышленной зоны располагался большой завод, основным производством на котором было изготовление и установка на шасси ЗИЛов и ГАЗонов различных видов будок. Одного ширпотреба, изготавлива-

лось зеками в цеху ТНП, больше 1000 наименований. Завод работал в три смены, на производстве трудилось более 2500 тысяч осуждённых.

Егор быстро влился в коллектив. Начальники цехов поддерживали между собой довольно тесные отношения. Всё было взаимно связано. Молодому руководителю более опытные товарищи объяснили весь смысл рабочего процесса и что сколько стоит. На пример, что бы выписать электрический инструмент—дрель или болгарку надо было выписать три, а получить две, а если попросят, то и одну. Так во всём. Егору нравилось посещать склады предприятия. Там был особенный запах огромного количества дорогого добра, который всегда радовал глаз.

Первый раз свои возможности молодой руководитель проявил на авральных работах. Вышел из строя кабель, питающий центральную подстанцию завода. Чтобы его заменить и не остановить работы всего предприятия, подобного кабеля на складе не нашлось, и Егор поехал на своё старое предприятие «Угле автоматику» к его руководителю. На шахте вопросы решались очень просто—бартер и бутылёк самогона. Егора приняли очень тепло. Начальник участка Калинин Валентин Григорьевич сидел за своим столом в кабинете и что-то писал. «О... Кто к нам пришёл!» поднимаясь, заулыбался он, пожимая руку Егора. «Что тебя привело?». «Да вот беда не большая. Я работаю сейчас в лагере тоже начальником энерго участка, так что мы с Вами коллеги». «Это замечательно, я в тебя, Гоша, всегда верил» продолжая улыбаться сказал Валентин Григорьевич. Егор достал пакет с «тормозком» и осторожно поставил на стол. Донышки бутылок «Столичной» тихо чокнулись одна о другую, выдав приятный слуху звон. «Сейчас» подмигнув Егору, Калинин и кому-то позвонил. В кабинет вошёл его зам. Юра Беседа. Двери закрылись и трое мужчин сели обсудить важный вопрос. «За твою новую должность, Гоша» поднял тост хозяин кабинета. Мужчины выпили. Сало приятно сочеталось с луком и солёным огурчиком. «Ну... Что за проблема?». «Валентин Григорьевич, выручите пожалуйста, нам надо 90 метров кабеля 120 квадрат желательного меди в «силовом» исполнении. Мы перевели на резервный, но он всего 75кв квадрат и греется сильно, можете?». «Да какие вопросы, у нас на шахте куски остались, что в замены даёшь?». «Что Вам надо?» «Ну, у меня дома ремонт, хочу подшить гаражный потолок ДВП, и пол в летней кухне обновить, так что 15ть листов ДВП с тебя, ну и бутылёк хлопцам с бригады само собой». Товарищи допили принесённую водку, и Егор уехал домой. Утром он обсуждал с главным энергетиком свой визит. «Егор, ты что не понимаешь? 100 метров такого силового кабеля стоит много тысяч рублей, а ДВП—копейки. Как же это возможно?» «Всё возможно, Иван Васильевич».

Егор не имел права на выписку ДВП, по этому его просто зеки украли в соседнем цеху ДОЦе и притащили в компрессорную. Егор загнал машину под мусор, положил туда все листы и присыпав мусором, вывез с зоны. Листов было 20ть штук. Приехав на шахту к домику его бывшей бригады, листы разгрузили, а кабель загрузили. Егор позвонил с будочки Калинину: «Валентин Григорьевич, я привёз 20ть листов, но без бутылка, сами разберётесь с ребятами. Спасибо Вам за помощь.» Машина без проблем привезла и разгрузила кабель у подстанции в зоне. Пулий был доволен. На завтра в субботу зеки проложили новый кабель, запитали подстанцию, и аварийная ситуация была устранена. Завод вновь заработал в привычном режиме.

Утром в понедельник на разводе оперативный дежурный доложил, что со склада цеха ДОЦ было похищено 20ть листов ДВП. Найти похищенное в закрытом пространстве не составляет большого труда, и опера уже через час вычислили вора. Егора вызвали в кабинет начальника колонии в жилой зоне. Молодой сотрудник был уверен в том, что Пулий рассказал о сделке руководителю, но он ошибся. Тот промолчал, а сегодня его вообще не было на работе. За столом, в кабинете начальника зоны, кроме него самого сидел первый зам и КУМ (нач. опер части). «Ты сколько дней работаешь?» закричал на вошедшего парня первый зам: «Посажу за кражу, сегодня же арестуем. Что ты себе позволяешь? Куда вывез ДВП?». КУМ ехидненько улыбался, чувствуя свою победу. «Ты украл 20ть листов?» тихим, уставшим голосом спросил Егора ХОЗЯИН. «Да, товарищ полковник, я только не украл, а сменял его на 100 метров сило-

вого кабеля и в субботу мы проложили его, запитали и теперь завод работает как положено. Вы же сами приказали делать что надо, но, чтобы завод не дай Бог остановился». Наступила тишина. Глазки у КУМА бегали со стороны в сторону не зная, что делать. Егор рассказал, как он договаривался, с кем и за что и кто обязан был доложить начальнику о проделанной работе. «А как ты вывез?». «Да мусором присыпал и всё». «А водитель что не отказался?». «Так я же ему сказал, что Вы знаете, что всё честно, да я и не прятался» ответил Егор. «Во как получается, значит я во всё виноват?» сам у себя спросил начальник лагеря. «Ладно, Щербаков, ты иди и работай, спасибо тебе за устранение аварии на заводе. Разберёмся. Но в последующем хоть сам ставь в известность руководство. Понял?» «Так точно» по-военному ответил Егор, глядя в опущенные глаза КУМА.

Прошла аттестация и Егор, с лёгкой руки начальника учреждения, получил своё первичное звание—младший лейтенант внутренней службы. Форма молодому человеку очень нравилась, и он её носил с большим удовольствием. Егор ловил на себе завистливые взгляды товарищей, которые разглядывая его одну звёздочку на погонах подшучивали над ним. Он не обращал внимания. В какой-то момент, парень понял, что к этому он стремился всю свою жизнь—стать офицером.

На работе ладилось. Егор за прошедший год сумел подобрать и обучить более-менее нормальных людей из числа спец контингента с большими сроками впереди для работы операторами в котельной и компрессорной. Самый лакомый объект на промке—углекислотная станция. Там коллектив зеков был укомплектован ещё до прихода в зону Егора. Молодой руководитель в самом начале не сильно обращал на станцию внимания, ему хватало и более важных вопросов, но когда обратил, то понял, кто там работает. Егор вызвал к себе бригадира своей бригады осужденного Ефименко Николая(Ефима). При входе к руководителю зек снимает головной убор и представляется. «Гражданин начальник, бригадир Ефименко прибыл». Хороший миллюстиновый чёрный костюм с бригадирской нашивкой на правом рукаве и биркой с Ф.И.О. и номером бригады над карманом куртки слева. Всё соответствовало норме, но он был «мужиком», а такого фасона костюмы носили только «жулики». «Бугор» обратился к вошедшему Егор: «Пусть ко мне в кабинет придут вышедшие все сразу в первую смену работники углекислотки и ещё, кто и по какой надобности их занарядил в первую смену?». «Гражданин начальник, я не записывал их в первую смену, они порешали вопросы с нарядчиком и под шумок вышли. Видно приплатили прапорщику на выводе» ответил бригадир, не поднимая глаз. «Коля» по-хорошему обратился к нему Егор: «Кто они по масти?». «Это смотрящие за зоной». «Что. Все четверо?» удивился начальник. «Нет, трое, и у них один суточник—работяга, тот, что всё знает. А они просто числятся. Когда Вас не было КУМ порешал этот вопрос с бывшим начальником и туда перестали все лезть» ответил бригадир. Всё стало на свои места. «Иди позови всех троих сюда, работягу не надо» уже приказал бугру Егор. Тот исчез за дверьми кабинета. Через некоторое время в двери не сильно постучались и вошли четверо мужчин, вернее мужчина был один и три молодых парня, все в дорогих чёрных костюмах, начищенных до блеска ботинках, перешитых хорошим сапожником в полу туфли—полуботинки, коротко стриженные, но не под ноль, как все остальные зеки зоны, а как те, кому остаётся до звонка два месяца и им администрация разрешала носить не более 2х см волос. «Звал, начальник?» спросил высокий, худощавый парень со шрамом на щеке. «Представьтесь пожалуйста граждане осуждённые» не громко, но с усилием сказал Егор. «Бондаренко Сергей Иванович» представился худощавый, «Коваленко Анатолий Семёнович» не громко представился крепкий мужчина под пятьдесят лет, сутулящийся и постоянно подкашливающий. «Дашевский Юрий Александрович» глядя прямо в глаза злобным взглядом, представился третий парень, крепыш, среднего роста с мощной челюстью боксёра и густыми, чёрными бровями, сросшимися на переносице, «А с нами ещё один «Смешной» с Вашего Первомайска, но работает он в ДОЦе» продолжил Дашевский. При этом не один не удосужился снять с головы головные

уборы, новые, чёрные, с увеличенными козырьками, кепки, которые в зоне зеки между собой называют не иначе, как «пидарки». «Снимите «пидарки» и присаживайтесь» предложил Егор, «А смешной или унылый пусть выйдет, он не мой». Зеки переглянулись. Сидеть в присутствии начальника, тем более офицера считалось верхом наглости. «Нет, мы постоим» ответил мужчина, но кепки всё же сняли. «Смешной» взглянул на Дашику и вышел. «Зовут меня Егор Анатольевич. Я Ваш непосредственный начальник на рабочем месте. Доложите мне пожалуйста, по какой причине Вы все вышли сегодня на промку в первую смену?». Зеки переглянулись между собой. «Мы вышли чтобы всем вместе заняться ремонтом на станции» ответил Бондаренко. «Вы, наверное, держите меня за лоха? Сразу объявляю, сейчас вызываю наряд, снимаю Вас со смены и даю команду заму начальника отряда, или как правильно—инженеру по организации труда, выяснить и наказать всех, кто Вас выпустил». «Стоп, стоп, начальник, давайте по-хорошему, без наездов. Что тебе надо?» перейдя на «ты» заговорил Коваленко. «Мне надо, чтобы меня называли на «Вы», делали всё, что я скажу по работе и в углекислотной станции, как и во всей бригаде, включая и отряд, был полный порядок. Вот, что мне надо в данный момент». Дашевский пошептал что-то своим напарникам, и они вышли с кабинета в коридор, закрыв за собою дверь. «Егор Анатольевич» обратился он к сидящему за столом начальнику: «Можно я присяду, спина болит, я ведь только с ПКТ (помещение камерного типа) вышел не так давно». «Да присаживайся, я ведь предлагал всем троим» ответил Егор. «Анатольевич» начал Дашевский: «Я за тобой наблюдаю с того момента, как ты пришёл на работу, но всё оттягивал возможность потолковать. Я смотрящий за этой командировкой «Дашик», а это мои помощники «Горбатый» о же Коваленко и «Боня» он же Бондаренко. Скажу сразу, что с «КУМОМ» я вопрос решил, с этой стороны к тебе вопросов не будет по-нашему трудоустройству. Сам пойми, работать мне западло, а закон то требует, чтобы я работал. Вот и посуди сам. Егор Анатольевич, прошу, обижен ты не будешь, порядок будет, как ты хочешь, против тебя «мужики» слова не скажут, в отряде все чики—пики. С урядником (начальником отряда) всё решено до твоего прихода. У нас в отряде порядок и 100% выход на работу. На станции всё оборудование и приборы отлажены и горят чистотой. Ремонт мы там выполнили ещё в прошлом году. И ещё, пожалуйста, своего бугра за мной не посылай, ни ему ни нам не по масти, пусть приходит шнырь (уборщик, дневальный) и я сам буду приходить к тебе. По рукам?». «Хорошо, Дашик, но только если всё будет именно так, и не иначе.» «Да, это тебе и каждый месяц я сам лично буду приносить твою долю» он протянул бумагу. Егор открыл не склеенный солдатский конверт. В нём лежало шесть зелёных полтинников —больше чем две Егоровы з/п. «До свидания, начальник». Дашик поднялся, надел кепку, вышел в коридор и три пары ног застучали подбитыми каблуками по металлическим ступеням уводящих их вниз. «Каждый должен зарабатывать там, где работает» подумал Егор.

В бригаде с №42 бго отряда, которая выходила на работы в промышленную зону непосредственно на участок ПСУ, было 100 человек. За год работы с подбором и комплектацией кадров, Егор, вместе с начальником отряда ст. л-том Королёвым Ю. Ю. и инженером по организации труда ст. л-том Панковым А. Д. хорошо подчистили отряд, списали или просто помогли некоторым блатным перевестись в другие отряды, оставив себе практически весь отряд «мужиков», если не считать этой троицы. «Мужик» на любой зоне —работяга. В основном им чужды все воровские законы, многие из них семейные люди и стараются работать, чтобы получить своё «у-до» и все поощрения, которые возможно применять на «строгом режиме» к спец контингенту за хороший труд. В отличие от гражданских предприятий, зек на зоне не может даже обсуждать поставленную ему в наряде работу, он молча идёт и выполняет. Егора первое время это даже раздражало. Проводя утром наряд, он специально завышал нормы, стараясь вызвать зека на обсуждение, но люди молча шли и выполняли пока один из мастеров, бывший опер, не заметил эту игру и не сказал об этом Егору в глаза. «Не стоит мучать людей. Они не будут с Вами спорить, но всемоу же бывает предел. Планка упадёт у зека, хорошо если он сам на себя

руки наложит, а если перед этим тебя бахнет» спокойно, в виде беседы рассказал молодому офицеру старый опер. И Егор бросил свои эксперименты по демократии. Но весь «мужицкий» коллектив был благодарен новому начальнику участка за то, что в отряде нет «жулья», за которых им пришлось бы работать. Ефим первый подошёл к молодому начальнику и отблагодарил его предметами кустарного производства—ножами. Это были три охотничьих ножа – «козья ножка» с кожаными чехлами, три выкидных—два из которых бокового выброса лезвия, а один—перо, и с десяток столовых ножей с красивыми ручками. «Гражданин начальник» обратился Ефим к Егору: «Я с Вашего разрешения посадил ширпотребщика в мазутной станции и теперь Вы будете иметь все изготавливаемые им вещи, когда Вам надо будет решать какие-то вопросы. У каждого начальника цеха есть свой мастер, а у некоторых и не по одному». Егору, как и любому нормальному человеку, понравилось предложение, и он согласился.

В летний период участок занимался ремонтом оборудования для подготовки к работе в осенне-зимний период и выход зеков в первую смену был практически 100%. Егор начал выводить сварщика и с ним одного слесаря за территорию зоны для работ в роте охраны и жилых домах офицерского состава. Тут же Ефим составил план выходов на работы за зону зекам в качестве слесарей. Он принёс список к Егору: «Гражданин начальник, я вот составил для Вас списки слесарей» «Зачем?» удивился Егор. «Понимаете, эти люди практически местные и все семейные, Вы выводите их по одному на работы каждый день, а к ним приезжают жены на свиданку. У Вас за зоной есть большая слесарка, вот их туда на пару часов закрывать, а Вам за это 100 руб. с каждой пары. И работу они выполняют, и с семьёй встретятся, и Вы не в накладе. Ведь у нас положняковое свидание только одно на три дня в году, а здесь такая возможность, да плюс они и передачу смогут внести через «конверт» там же их солдаты не шмонают». Егор взял исписанный лист бумаги. На нём стояли фамилии зеков и дни выхода их в качестве помощников сварщику». «Ну а к сварному тоже будет ездить жена, ведь он у нас один такого уровня профессионализма». «За него оплата другая, отдельная, он сам к Вам подойдёт решать вопрос». Егор прикинул, в списке больше 20ти фамилий, месяц работы в роте и пару штук рублей в кармане, да плюс ещё сварной. Чем чёрт не шутит, надо попробовать. «Хорошо, планируй, я буду подписывать по два человека в день» согласился Егор. Оклад офицера первого года службы составлял на тот момент 226,50 рублей: 115ть руб.—оклад, 100 руб.—звание и 10% от оклада—спец. надбавка за условия работы в зоне. Сварщик участка, осуждённый Евсюков по прозвищу «Бамбула», простой деревенский увалень, дважды судимый за одно и тоже деяние —драку с участковым их села, подошёл к Егору. «Гражданин начальник, мне с Вами надо бы погутарить» спросил он разрешения. «Заходи, Сашко» разрешил Егор. Его коротко стриженные русяво—рыжие волосы были подпалены на концах, на круглом, не знавшем голода, лице язвочки от про палы летящих искорок электросварки—работы без защитной маски. На его безусом лице играла улыбка, а в мальчишечьих не по возрасту глазах—бегали чёртики. «Анатолич!», сразу же со входа беря быка за рога, начал зек: «Ты же женат?». Егор пропустил мимо ушей обращение на «ты» и ответил: «Конечно». «Ну... Вот... Мужик мужика всегда поймёт правильно. Жинка моя, Ленка, уже приехала и поселилась тут не так далеко на квартире. Она привезла свининки свежей, гуся для тебя зарубила и всё там такого, житейского. Ты прости, грошей у нас в селе нет, так я продуктами тебе отдам за встречи с ней. Хорошо?». Егор сразу понравился молчаливый и упёртый в любой трудоёмкой работе деревенский парень, а здесь ещё и его обычные рассуждения. «Добро, Сашко, возьму грех на душу, по два часа разрешаю видетсья, час до начала работ и час после, но, чтобы работе не мешала, а то не буду выводить». «Всё... Всё, начальник, замётано, она не будет мешать, и двух часов предостаточно, спасибо тебе.» «Только ты же языком не мети» предупредил его Егор.

Почти за три недели выводных работ, Егор познакомился со всеми приезжающими на свидания жёнами или матерями своих подопечных. Выслушал их правдивые истории посадки в тюрьму своих родных и неожиданно для самого себя понял одну вещь. Практически все его

зеки – ВОРы. Они сидели, кто за два десятка курей, украденных с птицефабрики для того, чтобы своим двоим детям было что утром пожарить перед школой – 2 года строгого режима, другой «рецидивист», работая водителем на молоковозе бросал в цистерну буханку чёрного хлеба и пока довозил молоко на молокозавод, сбивались сливки и на булке собиралось сливочное масло, которое он: «– доставая с цистерны своими грязными руками, превращал молоко в место для мытья рук. Которое в последствии использовалось для приготовления продуктов для детей и населения города» (из умозаключения следователя). – 3.5 года строгого режима, а у него четверо детей и больная жена. Третий колхозник – пастух сельского стада продал трёх ягнят подставному милиционеру по 10 руб. за голову, а так как в отаре, по расчётам руководства ягнят в том году было недостаточно, значит он продавал их систематически и тем подрывал экономику великой страны советов. Ну его пожалел суд и дал всего-то 2 года строгого режима. Деньги за свидания Егор ни с кого не взял. Подлость всегда с рогами. Но между тем сложилось в зоне определённое мнение у зеков о молодом руководителе самого трудного участка. Назначенный Егором зек на свободную должность мастера участка, Борис Лищук был родом с Западной Украины – бандера, одним словом. В своём селе на Волини он работал механиком в большом хозяйстве. Случился пожар и его, за то, что сгорело несколько тракторов, посадили на 2 года. За это время его жена сошлась с директором замком и пропустила время звонка прихода домой бывшего мужа. Боря приехал с подарками, а когда узнал, напился, влез в дом к заму, взял «Ижевочку» двухстволочку, полный патронташ разных патронов и вечером пришёл к сельскому клубу. Там проходило общее собрание. Боря выстрелом по фонарю над клубом, пригласил своего обидчика на разговор. Был срочно вызван ОМОН. Боря не испугался, нет, он просто отступил к болотам и занял круговую оборону. Семеро вооружённых автоматами, хорошо обученных профи лежали, не поднимая голов, уткнувшись в мокрую, болотную траву, пока Боря развлекался в стрельбе с пере заряданием. Когда же боезапас был исчерпан, Борис утопил винтарь с патронташем в болоте, достал принесённую бутылку самогона и с горлышка выпил последний литр змея под 50 градусов крепости. Бойцы ОМОН смогли его разыскать только по сильному храпу. Оружие и стрельбу ему так и не доказали, так как оно утонуло в трясине, и он получил 3 года по «бакланочке» 206 стУК.Украины. В бригаде зеки Борю побаивались и называть его «бандерой» мог только бугор Ефим или Егор и то в шутку. Люди его склада сознания до боли исполнительны, но их надо крепко держать к себе «привязанным», не упускать момента применить палку, но в большей степени поощрять их действия чуть- чуть только направляя в необходимую сторону. Егор выкупил эти свойства у Лищука и пользовался ими. Если Боря стоял старшим над работающими зеками, там вольнонаёмного мастера не нужно. Всё будет исполнено не просто в срок, но и качественно. «Бандеры» любят власть. Был в Егоровой бригаде ещё один «западэнэц» – Василь Васильевич Пыцькив, бывший преподаватель физики с Ивано- Франковского универа. Егор в тот момент учился в ХИПИ и это был просто подарок судьбы. Щербаков, как обычно пришёл в этапное помещение выбрать с этапной книги себе работяг перед распределением их у «хозяина», так, обычная практика. В «карантинном» помещении к нему обратился, как сначала показалось, старичок, с просьбой трудоустроить его. Старательно подбирая русские слова, он рассказал, что сроку дали по 101й (Тяжкие телесные со смертью) — бть лет. «Да кого же ты там завалил?» рассмеялся Егор: «Ты еле на ногах стоишь, и, если тебе по русскому тяжело, говори по-украински, здесь все и всё понимают» высказал зеку начальник. «Я багато рокив працював викладачем физики у универі. Старший викладач. У прошлому році набрали нови групи студентів и сэрэд них попався гад, який заважав мэни проводи́ты учбовий процес. Я багато разив його просив не заважати мэни. Та ось одного разу на сэминари в велький аудиторії на першому повэрхси він мене достав, я нэ стрывався та, стукнув його эбонитовою вказівкою по голови. Вроды-бы и не дужэ сильно стукнув, тилькы він бац, та впа́в. По́кы швы́дка прыййхала, покы його до́везли

до ликарни, вин и помэр. Та ось я тут». Егор пошёл в спец часть и выпросил прочитать личное дело этого зека. Да... Всё было именно так, как рассказал этот человек.

Разбивка этапов всегда проходила с шумом. Все начальники цехов собирались в кабинете «хозяина» в жилой зоне и старались выбрать с этой оригинально криминальной толпы уголовников, более-менее нормальных людей для работы, хотя всё равно начальник силой заставлял брать всё отребье к себе в цеха, но сам факт того, что возможность существует в выборе чего-то лучшего, накаляла обстановку. Егор на тот момент людьми был укомплектован. Силой ему впихнуть кого-то было тяжело даже «хозяину» так как участок работал на ставках, выработки у него не было, а зек обязан зарабатывать. Он пришёл именно за этим зекком. Этап был большим и пришлось долго ждать пока в кабинет вошёл Пыцькив. «Это мой, я его возьму к себе «шнырём» на участок, у меня всего одна ставка и есть» не давая нарядчику слова начинать читку дела, встал со своего места Егор. Начальник глянул в раскрытое перед ним личное дело зека, видно всё понял и махнул рукой: «На ПСУ—дневальным» дал команду нарядчику, а Егору приказал остаться после разбивки. Все вышли с кабинета, и Александр Николаевич обратился к Егору: «Ну ты не думай, что тут самый умный. Мне звонили с Киева по поводу именно этого зека. Я не стал поднимать шум, но готовил его пристроить в наше училище читать математику, но пока не получил разрешения с главка на это. Ладно, я знаю, что ты учишься и этот зек тебе, как палочка—выручалочка. Не обижай человека». «Есть не обижать» ответил довольный Егор, вылетая с кабинета «хозяина».

«Шнырь» или просто дневальный. Для кого-то слово шнырь кажется оскорбительным, но, когда к своей работе относишься с душой, все оскорбления постепенно сглаживаются и уже никто не обращает на тебя внимания. Таким вот работником и стал бывший старший преподаватель Василий Васильевич Пыцькив. Он сразу нашёл общий язык с Ефимом и стал «бугру» личным помощником. Уходя куда-то по заводу, Ефим ставил Вася Васю (так его теперь звали зеки между собой) в известность и отдавал ему ключи от каптёрки, на случай, если необходимо будет руководству попасть в склад. Егор называл дневального просто— «дедушка». В его обязанности входило соблюдать чистоту в кабинете начальника и мастеров, лестница и вестибюль, баня и слесарка с каптёркой. В свободное время у него открылся талант к огородничеству. Вокруг огромного здания котельной им были выгорожены, вскопаны и засажены грядки, на которых его трудолюбивые руки выращивали помидоры, огурцы, зелень и самое главное—табак. Егор не запрещал, ему и самому было интересно начинание старого человека. В институте сразу заметили успехи у студента Щербакова по высшей математике и физике, контрольные были выполнены в срок и без ошибок. Начинались 90е годы...

С развалом Советского Союза всё коренным образом изменилось. Судить по советским законам было уже невозможно, так как отсутствовало само государство, а новые украинские ещё никто не принимал. В молодой независимой Украине начинался хаос. Привыкшие работать люди шли на свои рабочие места и к своему глубокому сожалению узнавали, что их предприятие работать дальше не может, так как было, на прямую связано с Россией, а поставки из неё более не возможны. Так получилось и с УЛЗ14ть. Завод работал с такими гигантами российской индустрии, как ЗИЛ и ГАЗ. На получаемые шасси в цехах огромного завода учреждения изготавливали и устанавливали термо. будки—рефрижераторы, будки—автомастерские для сельской местности с сварочным аппаратом. Так же основным производством были 8ми тонные АБП, которые в советское время были чуть ли не единственными заправками на наших дорогах. Но если на гражданских предприятиях люди могли уйти и найти себе хоть какой-то заработок, то в условиях зоны — полностью закрытого пространства с вышками в предзонах и служебными собаками на КСП, 3000 зеков оказались попросту брошенными на произвол судьбы. Слово маркетинг тогда было что-то подобие слову космос, все привыкли работать с планом и с поставками всего необходимого с ведома главка. Даже продажу готовой продукции, изготавливаемой в зонах, регулировал и разрешал всемогущий ГЛАВК. 1992,

1993г.г. прошли ещё по накатанной, а начиная с лета 1994 года ГЛАВК «переобулся» в новые сандалии и стал требовать, чтобы за счёт выпускаемой продукции кормили зону. И до того не регулярно выплачиваемые з\п производственному персоналу прекратились совсем. Начальник колонии и главный бухгалтер поспешили перевестись на бюджет и производство практически полностью стало. Наступила эра полного бартера. Пробежала кошка и в отношениях офицеров, работающих с зеком на заводе и офицерами—работающими с тем же зеком в жилой зоне, то есть начальников отрядов. Должности инженеров по организации труда быстро сократили, так как теперь никто не требовал 100% го выхода спец контингента на промышленную зону из-за отсутствия работы. Цеха начали просто разворовываться начальниками цехов, чтобы выжить... В зонах обстановка накалялась до предела. Наступал простой ГОЛОД...

Главк всё сильнее и сильнее усиливал требования по питанию спец контингента. Начались волнения среди офицеров производства...

5. УБОП.

Два года учёбы пролетели не заметно. За это время перестало существовать одно государство, которому присягали, в которое верили, а новое ещё было в зародыше и Женя это хорошо понимал. Преподаватель по психологии, полковник милиции Дрогоб Сергей Юрьевич, сам бывший сыскарь, запал в душу молодому оперу своими лекциями и семинарами, на которые Женя не просто ходил—бегал и ждал. Полковник понимал, что переходный период может продлиться не один год и все свои мысли и рассуждения вкладывал в головы будущих оперов. Женя ему нравился. Парень, один из не многих, просто тянулся к знаниям и не усваивал их, а проглаживал по себе жёстким катком усердия и старания. Вообще, учёба давалась Евгению не тяжело. Будучи спортивно сложенным, он легко проходил полосу препятствий, отлично стрелял с АКС у и ПМ, был лучшим в рукопашном бое и строевой подготовке. Свои погоны лейтенанта милиции он заслужил вполне достойно и на отлично сдав все экзамены прибыл в Стахановский ГО на должность оперативного уполномоченного. Многое, если не всё, изменилось за пролетевшие два года его учёбы, всё, включая и денежные знаки. Купоны, которыми с недавнего времени стал рассчитываться трудолюбивый народ Великого Донбасса, как и всей Украины, даже и не выглядели настоящими деньгами. Коротенькие разноцветные бумажки с украинскими героями старины обозначали различные достоинства. Некоторое время ещё вместе с купонами ходили и мелкие деньги старого СССР. Всех сотрудников, которые работали из средств местных бюджетов, сократили и уволили за ненадобностью. Уволилось много опытных, ещё молодых сотрудников, которые, не найдя больше применения своим умениям, заняли новые места в «бригадах» солдат новой бандитской власти, которая очень быстро подняла свою голову и не собиралась её опускать. Начался «деребан» зон влияния всё укрупнявшихся банд формирований, которые уже не прячась могли носить и применять оружие. Донбасс переживал полный развал своей экономики, смену руководителей производства на хозяев, которые скупали за копейки, выданные всему населению без объяснения что это такое и что с ними можно делать, акции предприятий, доводили их до банкротства, а за тем опять же за гроши, выкупали и становились новыми русскими, которым всё и везде положено. Женя ходил по совершенно пустым продовольственным магазинам, в которых на полках кроме морской капусты в пол литровых банках и самих продавцов из-под лобья наблюдавшими за снующими по залу покупателями, ничего не было, и удивлялся. Все товары по талонам и отрезным купонам. Сразу же появилось множество нищих на улицах города, с малыми детьми, просящих милостыню у таких же нищих, рыскающих по пустым магазинам, людей. Доллар завладел умами. Крупные покупки только в «баксах». Ещё вчера под расстрельная статья за валютные махинации казалась просто небылицей. Народ перестраивался к жизни при капитализме. То там то тут возникали мелкие рынки, на которых голодный, нервный от безысходности народ старался продать всё не нужное или может и нужное в хозяйстве, но без которого можно как-то обойтись и прожить не вырученные деньги. Стали расцветать ломбарды, где умные предприниматели скупали за бесценок золото и дорогие вещи. По многочисленным рынкам во всю шныряли новые хозяева жизни— «братки» со своими командирами «бригадами», которые собирали арендную плату с каждого торгующего. В стране началось беспредельное перераспределение зон влияния. Расцвели на каждом выгодном углу коммерческие магазины «Кооп. торги», в которых за большие деньги можно было купить любой товар, от носков, до финской «салями», появились богатые и бедные. По городу стали устанавливать небольшие киоски, в которых во всю шла торговля импортной жевательной резинкой, «сникерсами», «Колой» и сигаретами,

которые народу продавались по две пачки на талон в месяц в обычных магазинах. Массово появились «челноки» с огромными клетчатыми сумками и обязательно с ручными тачками на колёсиках, которые в народе прозвали не иначе, как «кравчучки» по фамилии первого президента «нэзалэжной» ни от кого, когда-то цветущей Украине. Люди осваивали уроки маркетинга—изучали конъюктуру рынка. Бывшие учителя, инженеры, доктора стояли на рынке и торговали привезёнными с Западной Украины или с Польши джинсами, обувью, кожаными куртками. У кого-то получалось, и он продолжал вертеться на этом не всегда благодарном, но всегда опасном поприще, а основная масса перво ходок сразу же прогорала, так как первый доход может получиться не с первого раза, а семьи требовали денег на питание, да ещё и рэкет старался помогать. Удивлялся Женя и тому, что за прошедшие два с небольшим года его отсутствия на службе, население совершенно перестало уважать человека в форме милиционера. На них или не обращали никакого внимания, зная, что ни наказать, ни помочь они не могут, или глядели, как на пустое место. Милиционеры перестали ходить по городу в форме, одевая её только во время несения службы. Все стали переодеваться на рабочих местах во избежание нападений недовольных граждан на идущего в форме милиционера. Оружие теперь выдавали только оперативной группе на службу и некоторым ответственным лицам по лично подписанному начальником ГО рапорту. За личным оружием сотрудников охотились всё те же «братки», пользуясь своей безнаказанностью. Женя встречал когда-то работающих вместе с ним в ППС парней, которые теперь носили короткие причёски- «Аля Ээка», ходили только в очках от солнца, даже если его и не было, спортивных адидасовских костюмах, кожаных курточках, вязанных шапочках и кроссовках обязательно фирменных и белого цвета. Они приглашали Евгения вступить к ним в бригады, рисуя радужные перспективы приличных заработков только в Баксах, объясняя, что пришло настоящее время для нормальных пацанов. Женя слушал их фантазии, глядел на пачки, показываемых ему больших денег, но в душе знал, что он никогда не станет на бандитский путь. Теперь его бывшие товарищи уже не ходили по городу пешком, а стаями летали на «стрелки» в своих «девятках» и «восьмёрках», а более продвинутые на новых «москвичах»²¹⁴¹ с передним приводом. Иномарки в стране только—только появлялись и на них катались лишь главари.

«Лейтенант Пепов Евгений Акимович с учебного центра школы милиции города Донецка для прохождения дальнейшей службы прибыл» – доложил начальнику ГО города Стаханова вошедший в кабинет крепкий молодой человек. Подполковник милиции Николай Семёнович Юрский поднялся со своего места и протянув на встречу Евгению ладонь, крепко пожал ему руку: «Так вот Вы какой. Мне Александр Иванович уже несколько раз напоминал, что Вы должны приехать. Очень рад» Он вновь пожал руку Акимовича и предложил присесть к столу. «Мы приготовили для Вас место в пока ещё новом подразделении, бывшем шестом отделе розыска, теперь переименованным и преобразованным в ОБОП (отдел по борьбе с организованной преступностью). Когда ни будь с отдела оно перерастёт в управление, но это ещё только мечты. С Вами там только четыре человека и временно, пока не найдется начальник, оно по-прежнему подчинено начальнику розыска, то есть Вашему хорошему товарищу Капицину Александру Ивановичу. Ваша должность – заместитель начальника отдела ОБОП, то есть Вам и организовывать всю его первоначальную работу. Как, справитесь? Не испугаетесь? Капицин на Вас надеется и поручился». Женя немного смутился. Он не ожидал такого поворота, но отступать было некуда. «Я постараюсь, товарищ подполковник, я холост, спешить мне некуда, будем работать». «Вот и славненько, мы Вам поможем, хотя честно сказать дело то новое, да и времена на улице сейчас не простые. Вон как всё отребье голову подняло. Ну ничего, с такими парнями мы им головы по откручиваем. Есть вопросы или пожелания, может помощь какая нужна?». «Да, ПМ на постоянное ношение всему отделу пожалуйста». «Хорошо, пишите рапорт я подпишу». Из кабинета начальника ГО Женя вышел замом нового, ещё не существующего пока, отдела. Секретарь, длинноногая Леночка улыбнулась молодому офицеру:

«Евгений Акимович, Вас просил зайти к себе начальник розыска». «Спасибо, красотулька» улыбнулся Женя и направился к кабинету друга, сопровождаемый томным взглядом «необъезженной кобылицы», Леночки.

Знакомый голос Пепов услышал даже через закрытую дверь кабинета: «Долбо...б, тебя только за огурцами на рынок можно посылать!» кричал Александр Иванович на уже не молодого сыскаря, который упустил наблюдаемый «объект» во время слежки: «Ты же уже не сопливый пацан, как можно было дать себя на е...ть? Весь день козе под хвост. Постовым пойдёшь у меня если ещё раз такое повторится. Иди на ...уй с кабинета!». Женя открыл двери и из кабинета вылетел мужик в коричневой болоньевой курточке с лейблом «MONTANA» на правой груди, светлой футболке в синих, потёртых джинсах и тёмных кроссовках. «Мудак, всё тебе не так, вот плюну и уйду в рэкетир» про себя разговаривая спешил мужчина, не глядя на Женю. Акимович вошёл в кабинет. «Пепов! Долгожданный! Ну на конец-то ты приехал. Как я тебе рад!» встретил его Александр Иванович: «Проходи, разговор будет серьёзный. Тебе шеф уже должность предложил?» «Да, я рапорт отнёс в кадры, они сказали, что сами придут к Вам за подписью». «Хорошо, эти новые порядки с подписями, теперь кадристы сами всё подписывают из-за нехватки личного состава, чтобы начальники отделов беседовали с вновь принятыми уже после назначения, чтобы не отказывались. Конечно это неправильно, но время сейчас такое, Женя. Платят мало и то не всегда в срок, а работу требуют. Вон на улицу не выйдешь, отребье всё головы подняли, никого не боятся и делают всё, что хотят. У нас одних убийств в прошлом месяце больше десятка и все не раскрыты. Знаем кто и когда, а предъявить обвинение не можем потому, что задержать целая проблема. Прокуроры все перестроились, им лидеры ОПГ платят и те отмораживаются давать санкции. Вот так и работаем пока». «Мне начальник ГО сказал, что в моём новом отделе уже есть четыре человека, кто они?». «Ты не всё понял, дружище. Четыре ставки вместе с твоей. Должности начальника отдела пока тоже нет. Ты сам будешь подбирать себе команду. Сам и никто другой. Понял?». «Да, теперь понял». Женя встал и подошёл к окну. На улице развивалась ссора между двумя водителями на перекрёстке на против Дома Бракосочетаний. Двое парней махали руками друг перед другом, кричали нецензурно и старались доказать один другому, что тот неправ. Женя глядел на инцидент и думал, что ещё вчера вряд ли кто посмел бы перед городским отделом милиции позволить себе матюгаться, а теперь даже не обращают внимания. Да, времена изменились. Подошёл к окну и Александр Иванович. Помолчал, а потом по хлопал товарища по плечу и тихо сказал: «Работа только начинается. Всё ещё впереди. Готовь свою агентуру и подбирай по отделам городов себе толковых сыскарей—оперов. На всю подготовку тебе пару месяцев не больше. С Нового Года твой отдел станет самостоятельной организацией. Пока подчинён мне. Каждый день на доклад. И раскрытия с тебя никто не снимает с сегодняшнего дня. Подтяни под себя начальника ИВС, пусть не жлобит и поделится с тобой агентурой, у него она самая богатая в ГО». Мужчины присели к столу. Александр Иванович открыл свой сейф, встроенный в тумбу стола, достал пачку купонов и передал их Жене. «На, это тебе подъёмные, в кассе всё равно денег нет. Наработаешь, будешь и ты отдавать в нашу сыскную кассу свою долю, а пока бери». «Спасибо», пряча деньги в нагрудный карман, сказал Женя. «Сегодня устраивайся, комнату получишь в общежитии через дорогу от горного техникума по улице Ленина 21, и не совсем далеко, пять минут пешком, и удобно там, столовка под общагой приличная. Команду я управляющему общежития уже отдал. Там наших пять комнат и ГО за них оплачивает, так что жить будешь за счёт государства». Женя по прощался и вышел. Он не спеша шёл по центральной улице Стаханова мимо «Универмага», школы, стадиона. По улице спешили молодые люди с портфелями и тубусами, другие просто прогуливались до городского парка «Горняк», по широкой, не проезжей части катались дети на велосипедах, мамы толкали коляски с грудничками радуясь летнему солнышку, жизнь в городе продолжалась.

Управляющим в пятиэтажном общежитии был уже не молодой еврей Коцман Борис Моисеевич, седеющий мужчина не понятного возраста с крупным носом, нависшими над ним чёрными, густыми бровями, тонкими губами и жёлтого цветом оттенка кожи лица. На приветствие Евгения он промолчал, делая вид, что очень занят своими записями в толстую, амбарную книгу. Женя поздоровался второй раз, пытаясь обратить на себя внимание. «Ну и чего Вы тут кричите, спрашиваю я Вас, молодой человек? Я и с первого раза хорошо Вас расслышал. И не надо мне напоминать, что я могу что-то забыть. Я ничего не забываю, смею Вас заверить на будущее». Он внимательно при этом разговоре разглядывал молодого, крепкого парня, стоящего перед ним. «Если я правильно вспоминаю, Вы, молодой человек, пришли селиться в комнаты от ГО?». «Вы правильно понимаете», принимая его игру, ответил Женя. «Да...да мне звонил сам начальник розыска, большой человек, и просил Вас заселить и всё рассказать. Пройдёмте ко мне в кабинет». «А тут что?» не понял Женя. «Здесь кладовая, а кабинет на втором этаже». Они прошли по широкому коридору застеленному ковровой дорожкой зелёного цвета с красными полосками по бокам и остановились у лакированной двери с табличкой «Директор гостиницы» и фамилией управляющего. «Ой, всё никак не сниму эту табличку. Здесь когда-то была гостиница, так с тех пор надпись на двери и висит. И мне приятно, что я не управляющий, а Директор». «Еврей, он и в Стаханове—еврей» подумал Женя, но промолчал. Какая ему до этого разница, хоть президентом себя называй. Сколько не говори слово халва, во рту слаще не станет. Борис Моисеевич видно понял мысли парня. Он взял его паспорт и стал оформлять.

Комната на втором этаже прямо над столовой, с которой постоянно вкусно пахло и манило зайти и отведать приготовленные её поварами кушанья. Женя неожиданно ощутил настоящий голод. Он неожиданно вспомнил, что сегодня ещё ничего не ел, а вчера только завтракал в Донецке. Поставив в комнате вещи, он спустился на первый этаж, вошёл в открытую дверь столовой и взяв разнос стал выбирать с витрины понравившиеся ему холодные закуски. Затем повар насыпала ему пахучий борщ и два шницеля с макаронами на второе. Компот и стакан томатного сока завершили композицию. «35 купонов», не моргнув глазом посчитала кассир на кассе. Женя внимательно посмотрел в глаза рыжеволосой толстушке. «Что смотришь, платить будешь или разглядывать меня?» не обращая никакого внимания на Женю спросила толстушка. «А ну пересчитайте пожалуйста повнимательней, красота» посоветовал ей парень. «Что там пересчитывать, что нет денег, а пришёл в приличное заведение, иди вон в техникумовскую столовку, там хлеб и горчица с солью пока бесплатно» по-прежнему делая вид, что не замечает стоящего перед ней, завопила девица. На шум подошёл бармен от стойки с напитками. «Вита, что такое, чего кричишь?». «Вот, залётный платить не хочет» огрызнулась рыжая. Парень повернулся к Акимовичу, внимательно на него посмотрел и тихо, но внятно спросил: «Ты кушать сюда пришёл или нервы кассиру трепать?» «Шел бы ты на своё рабочее место» так же внятно произнёс Женя, «А ты позови мне заведующего этим заведением» обратился он к рыжей кассирше. «Щас... Разогналась... Может ещё и Кравчука самого с Киева позвать?». Бармен тронул Женю за плечо и ничего не понимая, свалив несколько столов, улёгся у противоположной стены, получив мощный удар в переносицу. «Милиция!!!» завопила рыжая. «Служаю Вас» Женя предъявил служебное удостоверение. Рыжая тут же замолчала и стала поднимать с пола неудачного рыцаря. На шум вышел пожилой мужчина в костюме и галстуке. «Что произошло?» спросил он у кассирши. «Ничего страшного Эдуард Францович, просто Миша поскользнулся на мокром полу только что вымытом и свалил два стола, сейчас всё исправим». Она глянула в глаза Жени с мольбой ничего не говорить. Женя взял свой разнос и сев за свободный столик стал ужинать. Приготовлено было действительно хорошо. Он с удовольствием всё съел и сам отнёс разнос с грязной посудой. «Ой, что Вы, у нас убирает человек со столов.» заволновалась рыжая. «Так сколько же я Вам должен?» спросил Женя. «22 купона с Вас»

опустив глаза посчитала на костяных счётах кассир. Женя протянул новые для него деньги и вышел.

Комната Акимовичу понравилась. Рядом с туалетом и умывальником, окно выходило не на улицу, а во двор, где на четырёх лавках под деревьями сидели пожилые женщины и лузгали семечки выгуливая внуков и домашних животных, тихо обсуждая свои проблемы. В комнате стояла деревянная, совершенно новая кровать полуторка с прикроватным ковриком на стене, на котором выпившие охотники продолжали обсуждение своих трофеев. Диван—кровать, стол у окна, шифоньер, две тумбочки, зеркало на стене у окна, ковровая дорожка и три стула, всё практически новое. Часы на батарееке мерно клацали секундной стрелкой и не большой чёрно—белый телевизор «Горизонт» на одной из тумбочек. Борис Моисеевич пообещал дать маленький холодильник, который якобы у него в ремонте. На потолке обычная лампочка в дутом плафоне. На окнах тюль и простые цветастые шторы. Да в форточке разбито одно стекло. «Надо не забыть сказать об этом управляющему» подумал Женя мостясь на новой кровати, поправляя новые подушки, кутаясь в верблюжье одеяло в свежем пододеяльнике, засыпая после тяжёлого первого дня в ставшем уже своим, городе.

Акимович проснулся в половине седьмого утра. На подоконнике с обратной стороны окна прохаживалась пара горлиц беседуя между собой гортанными звуками, небо было чистым и в стёклах соседнего дома уже блестело утреннее солнышко, даря надежду на хороший летний день. Вставать не хотелось. Женя какое-то время понежился в своей новой постели, встал и стал делать зарядку. Убрав постель и надев спортивные штаны вышел в коридор, неся в руках все принадлежности для утреннего моциона. Горячая вода только-только пошла и была ещё летней. Женя стал под душ и с удовольствием обмыл с себя лень. Побрившись и почистив зубы, он надел свой новый китель с лейтенантскими погонами, начистил туфли и неся фуражку в руках спустился на первый этаж пошёл завтракать. Столовая только что открылась и народу пока было мало. Женя взял блинчики с мясом, какао и сел за вчерашний столик. «Товарищ лейтенант!» услышал он не громкое обращение. Повернувшись Женя увидел вчерашнего Мишу, подошедшего к нему. «Товарищ лейтенант, Вы меня простите за вчерашнее, я ведь не знал» заговорил подошедший. «Ладно, присядь» указывая на стул за своим столиком распорядился Женя. «Давно здесь работаешь?». «Да, уже второй год. Я со Славяносербска приехал, учился в 18м училище на повара. В армию не взяли с сердцем проблема, вот я и устроился сюда барменом. Вечером у нас не столовка, а кафе и по субботам и воскресеньям даже живая музыка». Женя ел свой завтрак и с удовольствием рассматривал парня. Он сразу же понял кто перед ним. Такие люди встречаются часто. Почувствовав силу другого, они становятся податливыми и услужливыми, лишь бы их не трогали. Такие себе премудрые пескари. «Товарищ лейтенант, если Вам что-то будет надо, то Вы обращайтесь ко мне, я помогу» услужливо улыбаясь рассказывал Миша. «Хорошо, я буду иметь тебя в виду. И называй меня Евгений Акимович». «Понял». Он извинился ещё раз и отошёл за свою стойку. Женя поднялся и спокойным шагом отправился в ГО. От общежития до ГО спокойным шагом минут десять ходьбы. Широкая центральная улица Ленина стала пешеходной зоной. Утром по тротуарным дорожкам бегают любители физической культуры, которым не надо бегать по пустым магазинам в поисках продуктов для своей семьи. Их сразу видно по дорогим «Adidasovskim» костюмам с двумя белыми полосками на рукавах и штанах, и белых фирменных красках. На шагающего в форме Женю сразу стали обращать внимание. Акимович вошёл в помещение ГО. На встречу к нему вышел дежурный майор милиции Соболев. «Ты что только вышел на работу?» бесцеремонно спросил он. «Ты что не знаешь, что ходить в форме по городу не безопасно?». «В каком отделе ты служить будешь?». Женя не стал отвечать на вопросы, он вошёл в открывшуюся лифтовую дверь и направился к кабинету начальника розыска. Александр Иванович видно не уходил сегодня ночевать домой. Лицо выглядело очень усталым, под глазами тёмные круги. «А... Женя... Входи, дорогой, как поселился? Как спалось на новом месте?». «Да я-то

выспался, а Вы смотрю даже и не ложились?». «Да... У нас снова двойное убийство. Вчера в кинотеатре «МИР» после последнего сеанса два трупа на предпоследнем ряду убиты длинным шилом через спинки кресел. Ходят слухи, что места в кинотеатре проиграны в карты». Капцин прошёлся по кабинету, разминая затекшую спину, потом сел и на минуту прикрыл глаза. Женя молча наблюдал за товарищем. «Ладно, пошли я представлю тебя личному составу, а потом начнём работать» резко поднявшись объявил начальник розыска. В актовом зале ГО по утрам проходила пятиминутка, на которой руководство заслушивало результаты службы за прошедший день, давало указание, зачитывались приказы. Как обычно дежурный по ГО начал доклад о прошедших сутках, рассказал про убийства, что прокуратура совместно с оперативной группой выезжала на преступление, что ППС плохо нёс свою службу и в самом конце стараясь выслужиться доложил, что новый лейтенант пришёл на службу в форменной одежде и отказался с ним разговаривать. Начальник ГО внимательно всё выслушал и только после разбора всего и дачи указаний повернулся к сидящему на первом ряду Акимовичу. «Товарищи, хочу Вам представить нового нашего сотрудника, вчера прибывшего с Донецкой школы милиции на должность начальника ОБОП нового отдела, пока под руководством начальника розыска». Услышав его должность дежурный сел рядом на свободное место и как-то просто протянул руку: «Ну извиняюсь я конечно перед Вами за моё хамство, но у Вас же не написано, что Вы начальник ОБОП». Все в зале засмеялись. После совещания к Акимовичу подошли его бывшие начальники—Ваня Фиртов и Витя Горобченко. «Что, растём на глазах, обращайся если что надо». «Хорошо, воспользуюсь» пожимая им руки ответил Акимович.

Небольшой кабинет на втором этаже в самом конце длинного коридора вполне устраивал Евгения. До этого здесь располагался архив канцелярии, но его быстро вывезли и теперь здесь шёл мелкий ремонт. Две пожилые женщины в спецодежде ободрали старые, давно выцветшие обои и разослав на полу газеты, нарезали полоски новых, тёмно бардовых готовясь их клеить. Мужчина, по-видимому плотник, стеклил разбитое окно. Женя вспомнил о разбитой форточке в общежитии, что утром забыл сказать управляющему. «Девочки!» обратился он к работникам: «Когда думаете закончить?». «День, два от силы три, надо всё вымыть, покрасить дверь и окно, обновить краску на полу, чтобы было всё красиво» серьёзно ответила дама в синей косынке, умело орудуя длинными ножницами. Женя не стал им мешать и спустился в ИВС. Как ни странно, но Николай Николаевич был всё ещё на своём месте, только на погоне добавилась ещё одна большая звезда. «Привет Вам товарищ подполковник, а я-то думал, что Вы давно уже на пенсии». «А... Женя, привет, привет. Да вот два года назад собирался уйти, так мне звезду кинули и уговорили ещё поработать. Никто на эту собачью должность идти не желает, а сейчас так вообще. Все в рэкет ушли, сколько там наших бывших сотрудников сейчас бандюкуют, если бы ты знал. И самое главное, что не жалеют». Озеров отложил свою писанину в сторону, достал с сейфа бутылочку немецкого питьевого спирта «РОЯЛ», сало с двумя прослойками, лук, огурцы и хлеб. Разлил спирт по гранёным стаканам: «Давай, Жека выпьем с тобой за то, чтобы меньше подлецов встречалось на нашем пути». Они выпили и закусили. Озеров протянул Жене сигареты «Друг». «Нет, спасибо, я так и не научился курить» отказался Акимович. «Я вот за чем к Вам пришёл, Николай Николаевич» начал Женя: «Мне надо собрать коллектив и организовать работу нового отдела ОБОП. Мне необходима Ваша помощь, Ваши знания и Ваша агентура хотя бы на первое время пока не обзаведусь своей». Озеров налил по второй, подрезал сала и подал стакан Акимовичу: «Давай, огонь!». «Огонь!» повторил Женя и выпил. Раскурив вторую сигарету Николай Николаевич положил руку на колено товарища, похлопал и сказал: «Конечно же помогу. Ты обратился по адресу. Сейчас агентура осталась только у меня. Деньги по «девятке» (статья расходов на уплату за получение ценной информации от информаторов, оплата камерной агентуре в ИВС, оперативные расходы) уже давно не платят, рассчитывать с подсадками нечем, да и по городу тоже без денег никто тебе ничего не скажет. Работаю на голом энтузиазме». Озеров встал, размял затекшую спину и немного

походил по тесному кабинету. «Сколько человек в твоём штате?» спросил он. «Пока четыре вместе со мной». «Да... Прямо скажем не густо, не густо» он снова немного походил по кабинету тщательно обдумывая тему. «Ну одного парня я тебе подгоню сразу. В соседнем городе в розыске служит мужик, Головининко Сергей Борисович. Работает уже давно больше десяти лет, капитан, мент в доску, идейный, не покупается, знаний в голове—выше крыши, а нём весь ГО только и держится». «Ха... Так кто же мне его тогда отдаст?» удивился Женя. «Не спеши. У него есть одна особенность, он запойный, раз, а то и пару раз в год он пропадает на пару недель, уходит в «пике». Потом выходит на работу, как ни в чём не бывало и упираясь рогами прёт вперёд. По этому его, на должности и не ставят – ибо может подвести каждую минуту, но как работник он настоящий профи, все раскрытия в ГО его». Женя достал свой блокнотик и записал фамилию. «Ну а по убийствам в кинотеатре, что ни будь Вам известно?». «Да как тебе сказать, есть кое какая информация, но она пока не проверена. У нас открыли в ресторане «Украина» что-то похожее на игорный залик. Как известно все садятся чтобы выиграть, я ещё ни одного идиота не встречал, чтобы он сядился проиграть. Так? Вот они играют, играют и кто-то проигрывается полностью. Ты, что думаешь он поднимается и уходит? Нет, не тут- то было. Существует правило на отыграние. Они играют так сказать Ва-банк. Последний кон остаётся не тронутым. Если проигравший выигрывает игру, то забирает кон, а если проигрывает, то выполняет желание того, кто выиграл этот кон прошлый раз. А вот желание может быть разным и за его неисполнение только одно—смерть. Вот победитель и куражится – проигрывает места в кинотеатре, а проигравший обязан замочить того, кто сядет на это место, и тут уже всё равно, ребёнок, молодой парень или девушка, старики—им всё равно. Убийца садится за спиной и длинным тонким шилом через седушку протыкает жертву в районе сердца. Во время фильма никто не обращает внимания на вскрик. А потом –труп. Вот такой предварительный расклад, мой молодой друг». «Дикость какая-то средневековая. Тут, что фашисты появились?». «Нет, это новое время пришло, бандюги подняли свои гривы выше, чем им положено, а мы оказались слабыми, чтобы защитить мирных людей нашего города, да и самих себя тоже». «Николай Николаевич, ну а с нашего ГО кого Вы бы посоветовали взять, если станут проситься?». «Женя, не бери своих, потом поймёшь почему, вот послушай старика, не надо». Они выпили ещё по чуть-чуть, и Озеров спрятал остатки в сейф: «Ещё сегодня работать» объяснил он. Женя по прощался и вышел. Старый опер приступил к обычной, рутинной работе с посаженными в камеры людьми. Акимович поднялся к Александру Ивановичу и поделился только что услышанной информацией. «В ИВСе небось уже побывал?» улыбаясь другу спросил хозяин кабинета. «Угу» ответил Женя. «Да... Я уже слышал что-то подобное, пойду сам после обеда к Озерову послушаю» задумчиво сказал Капицин: «Если это так, то действовать надо быстро». «Ха... а как? Надо подставку свою в игорный зал засылать и брать на живца и заказчика и исполнителя, но проиграться нельзя. Где же нам каталу своего взять?» спросил Женя. «В том то и дело, где?». «Ты бы и в правду сходил домой и переоделся, не надо ходить пока по городу в форме и привлекать к себе лишнее внимание, это указание с главка. Так что сходи и переоденься». «Я бы хотел съездить в соседний город, мне там посоветовали человека» и Женя рассказал всё, что услышал про Головининко от Озерова. «Ну чтож, болезнь эту мы с тобой не излечим, но нам выбирать практически не из кого, а рекомендация самого Озерова – это что-то значит. Давай, переодевайся и поезжай». Женя отправился в своё общежитие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.